

СМЕНА

№ 12 (914)
ИЮНЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Как-то разом приняли мы Небит-Даг в ту густую апрельскую ночь, когда шли с вокзала в гостиницу. Доверился его доброй тишине, его белым домам, слышим под неправдоподобно яркими азиатскими звездами, его деревьям, которых было так много и которые светили нам своей молодой зеленью. А наутро шли мы Небит-Дагом, чистым, как корабельная палуба, и подножием Большого Балхана, который величаво стоял в отдалении, вознося рыже-лиловую округлость своих склонов. Когда мы поднялись на него, город обширно и плоско лег внизу, давая оглядеть всего себя и то, что было за ним: рыхлае пески, которые начинались сразу за последним домом, острый снежный блеск солончачков чуть дальше и вновь пески, пески, пески...

Теперь, спустя время, я вспоминаю тот первый день и все последующие. И мне просто необходимо рассказать о людях, которых я узнал и которые, словно сговорившись, ни за что не хотели вспоминать о том, как трудно подлаивался им пустыня, как долго держалась в неподатливой гущине свою нефть — скалозные Котурдинские залежи, как выдала их однажды, не утратив своей недосигаемости, бросив под ноги смельчачкам распаленные просторы: бедоромье, безволжье, безлюдье.

Человеком, извалявшим на себя все тяготы гостеприимства, был Коля — наш гид, по совместительству шофер и старожил здешних мест. По утрам он отвозил нас из города на промыслы в Котурдине, за восемьдесят километров. Догодаиваясь о том, что и никуда для очерка героя, он как-то обронил: «Познакомьтесь с Володей Лободой! И с ним работай...» Я отложил в память это имя, но множество нечаянных встреч все как-то отводило меня от него.

И мне уже хотелось написать очерк об Алексее Резникове, заведующем вторым промыслом, где добывается самая дешевая в Союзе нефть — по сорочка шести копеек за тонну! Мы провели с ним долгий день. Дул сильный ветер, потом и дождь пошел, но мы все чему-то смеялись, ходя следом за Резниковым и слушая его рассказы об Анапе, где он родился, о тамошних огурчичках и помидорчиках, которые сияют ему в песках, черт бы их побрал, о его замечательных связях, о дебите, о себестоимости, о

Р. ШЕРЯКО

ЖЕЗЯМЫН ВТОРЫЙ ПРОМЫСЛА

Фото В. МИШИНА

премиах и уж не помню, о чем еще. И он настолько расположил нас простотой и всеядностью, что мой спутник Васа Мишин уже пошел рассказывать последние московские анекдоты, а я говорила Резникову «ты». И какой же ошеломляюще сильный свет упал на весь его мягкий облик, когда мы, расставшись с ним и позавыбав с ним, околдованные, оглушенные, усиленные песками, вдруг узнали, что он — такой молодой и веселый — Герой Социалистического Труда и член ЦК Компартии Туркменистана. Сколько замечательных людей работает здесь — и буровиков, и геологов, и операторов, а Герой он, Алексей Резников! Где же были наши глаза, когда слушали мы его об огурчичках и помидорчиках?

И так захотелось вновь отыскать его и распространить обо всем на свете, но выпал в нашей рабочей неделе серенький, дождливый день, когда все начальство уехало с промысла на заседание в Небит-Даг, и Резников тоже уехал, да и сами мы уж совсем собрались возвращаться, не только хлебаясь, как вдруг Коля сказал: «А давайте заедем к Володе Лободе».

«Москвичок» наш резко покатился, но уже не по шоссе, а куда-то в сторону, в пустыню, привнося под дедом густой золотой тон, и во множестве стал являться нам барханы, подернутые настоящей рябью, из-за барханов выливались буровые вышки, бежали люди, очень

маленькие рядом с вышками, и что-то кричали неслышными нам голосами, потом исчезли и люди и вышки, открывались новые барханы, новые оголенные далаи, и все это лежало в таком молчании и покое, будто и не сотворен еще человек...

Наконец, дали показались низкие серенькие постройки. Мы подъехали. Какой-то парень толкался в дверях, сутулившись, находившись от холода, сунув руки в карманы высоко поддернутых — словно он из них давно вырос — беговых брюк.

— Здорово! — приветствовал его Коля, разом сильно и весело оживляясь. — Как жизнь?

— Здорово! — отвечал и тот. — Ничего себе...

— Ну, знакомств! — сказал нам Коля.

Вам повезло: это и есть Володя. Клетчатая кепка на Володе сидела боком. Эта кепка, и поддернутые брюки, и поджачки, когда-то голубой, и холодность были очень смешными, и мне сразу стало как-то легко к ним.

Следом за Володей вошли мы в контору и сели на длинные, как в избе, скамьи. Володя всех обнес нанюхавшись и закурил сам. Глаза у Володи с рысей искрой, веселые, и оттого кажется, будто он всегда улыбается. Меж тем улыбается он редко, мелоденноватая улыбка его светит с леной, будто из-за легких тучек, и долго копится там, за тучками, сильный радостный свет. С этим пернатраченным светом и рысью доброй искрой в глазах он и рассказывает, покуривая из кулака. И мы уж скоро знаем,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

12 ИЮНЬ 1965 (141)

Год издания
сорок второй.
Выходит два
раза в месяц

Взрывает, летит из трубы газ. Скажина ожила, пустыня заговорила.

Володя Лобода пригорюнился черпая бесценный блес Котарзена — частый заводчик — и не может остановиться. Ради этого, честное слово, стоит жить и ходить по земле!

как достается ему от заведующего перлам промыслом Айна Джаниева каждый божий день то за одно, то за другое, и Потапов тоже добавляет, а работа какая!..

— Поверись, Коля, бывают дни, когда осванишь по две скажины и заканчиваешь третью! Так что на Западе был, Коля, санаторий!

Между прочим, под Западом они оба разумеют промысел Алексея Резникова, где вместе работали. Когда и спросила Володя, отчего же он ушел из «санатория» на такой тяжелой третий участок, он, подумав и помедлив, объяснил:

— У Резникова скажинки идеальны, хорошо наважаны. И туда пришел, документацию в порядок привел, чувствую: скучно стало. Животик стал расти... Потапов говорит: «Кочная волынку, переходи на Восток!» Потапов — это мой друг, старший геолог нашего промысла. Мне жаль, конечно, было уходить; Резников — мужик отчаянный. Мы друг друга с полуслова понимали, но мне учиться надо, расти, а какой у него рост? А здесь такие скажины есть, поверься, Коля, мы одну пускали — так она дала сто восемьдесят тонн нефти в сутки через восьмидесятиметровый штуцер.

До Резникова — я узнала об этом позже — Володя работал в филиале Туркменского научно-исследовательского института нефти. А до Института нефти он учился в Москве, в институте имени Губкина, и о своей недолгой студенческой жизни вспоминает с нежностью — до жарких слез в глазах:

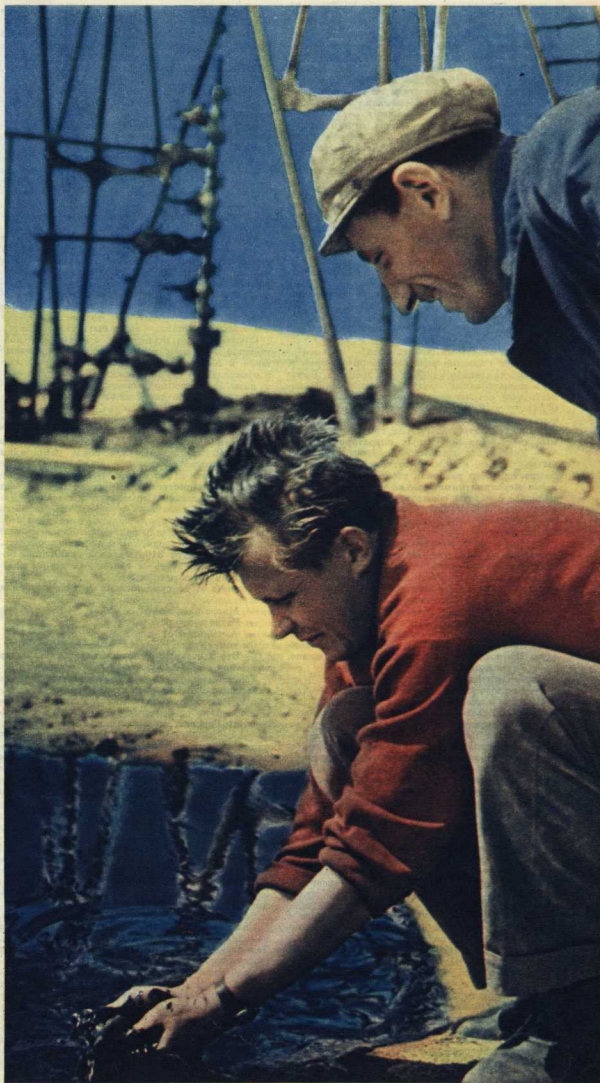
— Мне кажется, я там только и жил! Коля, скажи, разве в этих песках жизнь? Но месяцу безудру рубашку не наважешь. Мать родную не видишь по месяцу! С утра как где-нибудь шарарахнет, туда и бежишь!

— Да уж, поди, полчеловека от человека и осталось! — подала вдруг голос ирговская синеокая женщина, давно наблюдавшая нас из другой комнаты. Мы обернулись к ней, и она безбоязненно, певуче продолжала: — Полный день в бегах! Иногда на стакане чаю месь день и живу! — Она повела глазами на Володю. — А то и спит в корторе этой. Стулья сдвинул вместо кровати — и так спит. А медь отец у них, Максим Ларионович, — большое начальство, управляющий этой нефтью-то, — заключила она после молчания, пригорюнившись, но как бы и гордилась этим исследуемым обстоятельством.

Дождь меж тем стал редеть, помя мы сидели в корторе, стихать и стихнул вовсе. Мы разом взглянули на часы и обнаружили, что время полнее и хорошо бы пообедать.

После обеда пошли разговоры. Это были все те же разговоры, что и с Резниковым: о дебете, о нефти, о скажинах, о времени, о которах на Востоке давным-давно забыли, потому что промысел не выполнял план по газу, и это было глупо! Не выполнять план по газу, когда его каждый день выпускают в «свечи» по котора мильюна кубометров (мощности заводоприемщиков рассчитаны так, что они не могут этот газ принять!)

В тот вечер я уже знала с несомненностью, что напишу не о милом Резникове, а об этом сыне управляющего, который недосыпает, мерзнет и мотается в песках, добывает нефть, опирается, часто бывает отрутан и при этом тихо и невидимо изо дня в день мукает и растет в трудах своих.

ильевича Вьюшкова. Лена за время занятий в бассейне стала спортсменкой-разрядницей, а ее матери и деду плаванию помогает продвигаться вперед.

Бассейну всего четыре года — заканчивает свой рассказ Константин Данилович. — а у нас уже выросли свои мастера спорта. Первым это звание получил школьник Боря Ерин. Затем норму мастера выполнили Тана Болыкова, Лиза Морковина и Тамара Кольвинина. На подступах и почетному титулу целая группа наших воспитанников.

ЛЕНОЧКА УЧИТСЯ ПЛАВАТЬ

Когда Леночка Ермолаева впервые вошла в просторный, высокий зал, ее окутала туманная дымка от переполненного испарениями воздуха. Она услышала всплески воды и притупленный говор. Леночка сделала несколько шагов, и перед ней предстала огромная зеркальная глыба зеленовато-голубой воды. Настало море!

Леночка испуганно вскрикнула и попыталась убежать. Поймала ее мама. А тут на помощь подошел и Виктор Александрович Язовлев — опытный инструктор.

уже много лет работающая с детьми. Он спокойно взял ее за руку и отвел к группе девочек, сидевших на скамейке.

Занятие шло своим чередом. Девочки уже несколько раз прыгали в воду, а Лена все сидела на скамейке и с опаской оглядывалась вокруг. Вдруг она услышала:

— Леночка, подожди сюда.

Леночка медленно входит в воду. Вдруг ее резко отрывает от опоры. Она барахтается, хочет закричать, но сильные руки Виктора

Александровича придвигают ее к кромке бассейна. Девочка хватается руками за бортик и прижимается к стене «лягушатниной».

Она смотрит, как девочки карабкаются в воду, плавают с доской в руках... Все это происходит рядом, буквально в метре от нее. И никто не боится воды... Страх постепенно проходит, она улыбается, глядя на подружки. Этого и ждет Виктор Александрович.

— Леночка, а ну-ка дай-ка теперь ты, — ласково говорит он.

И руки девочки тянутся вперед.

Так состоялось первое знакомство с бассейном пятилетней Лены Ермолаевой. Пройдет немного времени — и она будет уверенно скользить по голубым дорожкам бассейна «Саратов». И кто знает, может, через несколько лет Елена Ермолаева станет мастером спорта, и тогда мы снова встретимся с ней на страницах нашего журнала. Ведь она только начала свое плавание. Пусть же оно будет большим и удачным!

На снимке слева сверху — Борис Ерим, ученик 80-й саратовской школы. В январе прошлого года он выполнил мастерскую норму на двухсотметровой дистанции брассом. Теперь юный спортсмен на равных борется со взрослыми на всесоюзных и международных соревнованиях.

На снимке в центре — вот оно, «море под крышей».

На снимке справа — парный прыжок. Исполняют его мастер спорта Тамара Кольчанина и ее подруга Галя Шеленкова. Они вместе тренируются, вместе отдыхают.

бассейн возле Иккерманской ГРЭС, которая ежедневно сбрасывает в море десятки тысяч кубометров горячей воды. Только недавно возмался за этот бассейн, но из-за неперспективности спортивных «потвор» города строительство движется очень медленно.

Недавно найден еще один путь решения волной проблемы сооружений в подмосковных поселках школ простейших «аглутинок». Сейчас в двух московских школах-новостройках — в Медведково и Новых Кузьминках — устанавливаются ванны длиной 12,5 метра. Сметная стоимость такого бассейна — всего лишь 6—7 тысяч рублей. «Аглутинки» имеют большое будущее особенно в безводных районах.

314 человек утонув в прошлом году в водоемах столицы и Подмосковья, 292 — в Ленинграде и области. Страшная статистика должна наконец заставить серьезно заняться проблемой плавания все организации, занимающиеся вопросами образования и воспитания подрастающего поколения. Неумению плавать много, очень много не только среди школьников, но и среди взрослых. А ведь еще в античном мире таких людей приравнивали к неграмотным и даже называли «грамотей». Неграмотность в Советском Союзе полностью ликвидирована, а массовая «грамота» осталась, несмотря на многочисленные решения и постановления ВЦСПС, министерств просвещения, комсомольских и спортивных организаций.

Для обучения школьников плаванию в каждом пионерском лагере имеется специальный инструктор. Но чаще всего это должностные занимают случайные люди.

В августе прошлого года в дедау неделю наблюдал тщательно разработанную операцию «Купание» в 500-местном пионерском лагере Красного объема профессора работников коммунального хозяйства в поселке Фрунзенском на берегу Черного моря. Ежедневно пионеры поотрядно спускались на пляж, где проводилась «комовая» групповая работа с каждым. Трое взрослых стояли наготове по пояс в воде, а двое с берега сделали, чтобы их подопечные (ребята до 15 лет) не отходили дальше 3—4 метров и плавали! Остальные дети в это время топились на жаре, с нетерпением ожидали своей очереди, и с завистью смотрели на сверстников-«дайричей», плавающих вволю и без «конвоя».

Моту с полной ответственностью засвидетельствовать, что вызывающий всеобщий смех signs купания пионеров в известной кинокомедии «Добро пожаловать» сделана в точном соответствии с жизнью.

Сиферополюские школьники, не умеющие плавать, так и не сумели избавиться от «кромты» за 75 дней, прожитых у моря. Я не видел, чтобы инструкторы обучали пионеров плаванию. Да и не до этого им было: дай бог успеть выкупать полтысячи ребят.

Пришла пора ввести в нашей стране всеобщее обязательное обучение плаванию. С государственной постановкой всего дела, с включением плавания в программу начальной школы во всех «водных» районах страны. Всеплаваюч не только предотвратит несчастные случаи на воде, он привоидит к спорту множество людей, и прежде всего детство. Имеем все плаваюч поможет нашему плаванию сделать большой скачок вперед.

В шестом номере «Смены» за этот год опубликована статья «Проблема номер один», в которой предлагается

создать единую спортивную организацию школьников. Пользуясь случаем, хочу поддержать это предложение. Думается, что проблемой номер один для этой организации должно стать всеобщее обучение плаванию.

Стало бы, например, позавистовать опыт севастопольских тренеров, на общественных началах обучающих плаванию всех желающих, прямо так сказать, с улицы. Среди лишь алимонаев. В Лисидии имеет на своем счету за прошлое лето 360 новичков!

В детстве легче усвоить основы высшего спортивного мастерства. Однако было бы непростительной ошибкой закрывать двери бассейнов перед 13—15-летними новичками, считая их безнадёжно «старыми». Автобиография нашей «золотой рыбки» Галины Проуменчиковой начинается так: «Плаванием я начала заниматься только летом 1960 года потому, что не умела плавать. А живу на море, в городе Севастополе».

В 12 лет Галя впервые пришла в плавательный бассейн, а два года спустя уже была рекордсменкой страны среди девушек; минуя еще год — она чемпионка СССР, а в 1964 году — рекорсменка мира. Такого фееричного взлета не знала мировая история спорта.

Георгий Прокопенко из Альона начал заниматься спортивным плаванием еще позже — с 14 лет. А его земляк Аркадий Голоченко до 15 лет вообще не умел держаться на воде. Он трижды пытался самостоятельно научиться плавать, и трижды его приходилось спасать. Но парень все же добился своего. В 19 лет Аркадий стал одним из сильнейших брассистов мира.

В плавании волевым стилем, баттерфляем и на спине нам сейчас чрезвычайно трудно спорить с американцами. Но неужели они вообще неодолимы? Ответ на этот вопрос может дать только конкуренция в истории других видов спорта.

Более 50 лет американский баскетбол не имел достойных соперников. Это объясняется тем, что в США баскетболистов больше, чем во всех остальных странах мира. Прогрессивная американская школа за матч, наши тренеры искали талантливых подростков, приобщали их к баскетболу. Одновременно росла популярность и массовость игры. Сборная СССР стала получать хорошее пополнение. В 1952—1961 годах 9 из 10 встреч сборных СССР и США закончились нашим поражением, а за три последних года мы добились 5 побед в 13 встречах. Не беда, что американцы все еще удерживают олимпийское первенство и нам неизменно достается «серебро». Главное в том, что мы с ними теперь играем на равных.

С незаметными временными сдвигами США считались непобедимыми. Они первенствовали на XV и XVI Олимпиадах, а рекорд живого «подъемного крана» Паула Андерсена (533 килограмма в тиробре) считается фантастическим. На XVI Олимпиаде в России богатыри развели миф о непобедимости заокеанских соперников. Юрий Власов довел мировой рекорд до 580 килограммов.

Все эти примеры лишней раз подтверждают справедливость поговорки: «Не бойся старца черт, а мальчонку». Спортивных талантов в нашей стране предостаточно. Нужно лишь не жалеть для них времени и труда.

Плаванию — один из основных камней фундамента нашей победы на XIX Олимпийских играх в Мехико. Забыть об этом — значит заранее смириться с поражением в общекомандном зачете. Нельзя терять ни минуты. 1968 год близок.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ.

Галина ГАМПЕР
г. Ленинград

Сегодня мы знакомим нашего читателя со стихами Галины Гампер. Делать это необыкновенно приятно, радостно: испытываешь гордость за хорошо, честно сделанную человеческую работу.

Вот так, до поры никому не известная, кроме очень близких людей, жила девочка. Судьба ее не поблоровала и была даже, прямо скажем, слишком сурова. Гале не было четырех лет, когда осенью 1943 года погиб ее отец, командир танка. Еще совсем ребенком, в годы войны девочка заболела страшной болезнью и, несмотря на долгие годы лечения, не получила окончательного. Прикованная к постели, Галя упорно училась, с золотой медалью окончила школу и стала студенткой зооногого отделения филологического факультета Ленинградского университета.

Стала Галя Гампер — строже, точнее, чистее — говорит о таланте, мужестве души, это настоящая поэзия, которая всегда — победа человека над обстоятельствами.

Я очень рада, что в хоре наших молодых поэтов зазвучал голос Галины Гампер.

Счастливицей ей дороги, большой, радостной работы!

Римма КАЗАКОВА

Над всем благополучием людским, Над маленкой и над большой	Мы все под ними, все, как на ладони!
Над взлетами надежды и тоски — Распылять на небе	Заботой, Все наши сныме голубого цвета. Так обгорите сныме, меланхоличей Так поднимите голубые, поэты!
самолеты.	

М. ДУДИН

Я телевизор выключаю, Я в гости не зову друзей. Я все читаю, все читаю Жизнь замечательных людей.	О эта выдвизбенность и стройность Все парализует и протуд. Их гулярические ладуны Нас к звездам бережно весту.
Их тени долги и тревожны. Их путь, как переидуклар. Я у истока, у подножья. Неодоумна, как школа.	Мы обживаем деловито, Наладим школу и казны. А их умы, как диваниты, Уже взорвутся в повзвну.

ЧИТАЯ ШЕКСПИРА

Воробьяная ночь — так у нас говорят. Только молния в небо врывает корнями. Только иници король свой последний вард В ключах рвет перед небом и нами.

Только в шутку шут являлся слезы и соав. Сколько вас, горемык, в этой бешеной ночи! Том сегодня не ед, понимаешь, король? Он, как ты, обгорелся и выспался хочет.

А в Темзы море выплывает туман. В этом мире все лестницы шатки и круты. А страдфордский нагалец, а бесмертный титан Снова бьется за доброе сине утро.

За чердачным окном догорает свеча. Блудный Гамлет его распахнет на рассвете: «Мир кровави! Я убил одного налца, Вам кончат остальные.

Прощайтесь же, дети!»

К богу в рай —
На верхнюю полку,
Вот когда мне смешно и совестно
За неслашу и морочу,
Философию и бессоницу.
Я еще в городской пыле,
Но, отбросив земные сны,
Отрываюсь, как от земли
Отрываю самолеты.
Хлещет небо в стекло,
Хлещет небо в лицо,

Прорываюсь сквозь облачный бунт.
Горизонт, как пелая, горизонт, как
кошело,
Как лассо на ревуцый табун —
На меня.
Только я — я уже вне пелая,
Вне обуз, вне прищелк, вне бед.
Проводю мне задонку:
не будете ли
Чай горячий — Я выдохну:
вет.

Хорошо уж, кода не плохо,
Коши мы на полуны.
Нам до бога, как до Баока,
А ве худю бы дойти.

Бат не сложив, дом не сложив,
И слова-то все ве те-
День, как загнанная лошадь,
Подхмает в темноте.

То ли строчка, то ли выкрик,
В старину б сказан — рок...
И сосна спит, как ирже,
На скрещении дорог.

Жизнь человека в лесу,
Выдела скрипуче сны.
Ждал человек беду
Из-за каждой сосны.

Стволы заполоен,
Сунуться обуть,
Ломаю о стволы они
Короткий, как сабас, взгляд.

Однажды он вышел к морю,
Как рыба на желтый блеск.
Однажды он вышел к морю,
Он не вернулся в лес.

Глаза его стали уже,
О позадий, о первый вылет!
Он шел вдоль моря и суши,
Почти обретая крамя.

Почти задевая туши,
Почти не пощады рывта.
А где-то хрустела сучья,
Как шальеры в тоске хрустят.

МАМЕ

На лесные продрогшие склоны,
Презирая дождя и слякоть,
Вышел каен,
Вышел рыцарий клоуна,
В самый рад, когда надо плакать.

Он так ловко от солнца зажмурялся,
Он так ловко зашвырнул на счастье,
Неудобо им стало мурмурять
Или просто сделало весело.

Он прошел колесом оранжевым,
Он леза ласты швырнула на счастье.
И не всломляя мы ни разу,
Что ведь вышло-то он прощастья.

Человек ты мой муреный,
Большелобый и большой,
По классическим канонам,
Боже, ты почти урод.

Ты постои у Аполлона,
Ну, пожаауста, постои,
Буду я еще влюбленной
Оттого, что ты такой.

Оттого, что лоб твой мыслал
До морщин и сединам.
Оттого, что руки свисали,
Так устами и межани.

Мы уйдем промокшим парком,
Мы милому поворот
Будет мне невозможно жалею
Статуй греческих народ.

Были девочки с косичками,
Стали женщины с морщинами.
Мы возматывали прищелки,
Точно улитки машинами.

Мы заботами растянута,
Как авоски магазинные.
Где-то на ходу раставиваемся,
Потеряемся за спинами.

Слишком быстро забываем мы,
Упускаем что-то нужное...
Есть колючко, куда трамвай
Заползает в зной и стужу.

Заползает поразмыслить,
Опустеть, как гуакий ящик,
Что-то выдумать и высмотреть
В типично своей звенящей.

Нам бы в комнатах уютных
За окошками зелеными,
Нам хотя бы на минуту
Так вот опустеть, до зноя.

ЗАВТРА

А живем мы всегда валануше,
На предраздничной мостовой.
Все коучем, как медные лаузы.
Все восходим, как будо впервой.

Будто именно завтра случится
То, о чем так высоко молчали.
Облетят календарные числа,
Как с осенних деревьев гречи.

Но во все сентябри ил марта,
В проливные, как жизнь, ветера
Будет вечным сплассивым завтра
Всем, кто так неприяна вчера.

Николай КОНЕВ,
псевдоним Юлия Ханаксия.

ДЕД

Бывало, рано росною встаю
И вижу деду нашего. Сначала
Он вьет из умывальника струю,
Лунину шиплет, чтобы лень пылала.
Потом я вижу серенький рассвет,
Зарю и солнце радостно встречаю.
За это время молчаливый дед
Растопит печку и согрет чаю.
Пока встает солнце постепенно,
Похуи я колаха небесных кручу.
У деду различию полено.
А каждая лунина — слово луч.
И пелка от лунин и дров красна.
Я знал в те годы верую примету:
Когда мелькает в потемках садина —
Ночь на исходе, скоро быть рассвету.

ЗАДУМЧИВАЯ
ХОДЬБА

В сплошном трезвоне, в суете
урюгой
Нельзя сосредоточиться никак.
Соразмеряйте шаг с хоршей думой.
С течением дум соразмеряйте шаг.
Нас мчат машины, нас сплит

мельканье,
Мельканье глаз, событий и судьбы.
И только случай дарит

расстояние
На целый день задумчивой ходьбы.
Идешь в раздумье медленно,
степенно,
Винкаешь в жизнь и шырра и в
высоту.
То, что постигли сложность —

несомненно.
Теперь мы постигаем простоту.
И ერთо — как для молодых и

старцев.
Для умных и последних простаков —
Воспринимать, как пять огромных

пальцев,
Необозримых пять материков.
Воспринимать их так в сплошном

трезвоне,
Среди фраз трескучих, слов
ненужных, злых, —

Ведь океаны — чистые ладоны —
Соединяют всеодно их.
Но только часто в суете урюгой
Нельзя сосредоточиться никак.

Соразмеряйте шаг с хоршей думой,
С течением дум соразмеряйте
шаг.

И пусть в пути цветастое
мельканье,
Мельканье глаз, событий и судьбы;
Настойчиво мыщите расстояние
Хотя б на час задумчивой ходьбы.

МУЗЫКА

Как одноко, скучно жить в тишине...
Хотелось слушать музыку скорей.
Вчера коснулся робко, словно

клавишин,
Чуть приоткрытых для меня дверей.
И это было музыкой начало.

Казалось, ритм ее неповторим.
Она весь вечер радостно звучала
Высоким, страстным голосом

твоим.
Когда я вышел в сумрак
перулка,

Налева, той начатый, не иссяк.
И под мой зевла звучала гулко,
Хороший ритм твердил

веселый шаг.
А ветер вил, и нрав его был
буйный.

Я чуть не падал от его толчка.
Но чувствовала я в этом ветре
струим,

Которые устали жидить слышка.
В вагон садился я при свете
лунином.

И по пути домой, среди берез,
В упругом ветре по воздушным
струнам

Своим слычком провел электрозов.
А было очне скучно жить
в тиш.

Хотелось слушать музыку
скорей.
Вчера коснулся робко,
словно клавишин,
Чуть приоткрытых для меня
дверей.

ЛИВНИ

Дожди все чаще, гуще, непрерывней,
И вот над лесом свирепеют ливни.
Теперь нас не спасет ветнистый
кров.
Все струи, как пронзающие бивни,
И гром, как топот тысяч

слонов.
Лес ливню рад. Ему тепло
и сытно.

В нем так сейчас темно
и первобытно.
Он ветром гром слабощеющий
гоним,

Он слог за слогом пронизует
слитно.
Погонщик-ветер следует
за ним.

Вновь мелкий дождь все гуще,
непрерывней.
Но мысль теперь, как
продолженье ливней,

Как всплески молний, ярже
слова,
И те воображаемые бивни
Домильнивет бурно голова.

И мир для нас становится
бесспорней,
И мысль становится еще
упорней.

Становится ясней по сути.
Как эти ливни обнимают
корни,
Так наши мысли обнимают
суть.

НА ВЕТКЕ

Поздняя осень, дин погожие редки,
Мечется ветер шальной,
А ты вьешь гнездо на таежной
ветке,

У которой листоуно — шпалы,
Как синица, ты вьешь гнездо
хлопотливо,
И дом твой растет — бременчатое
вельчье.

Мечется ветер. Не упусть
от его порыва
Очень важно, и стойкость нужна
не птычка.

Я у тебя там ни разу не был,
Но знаю, что местность там
сплошь гориста,
И что весной так гулко небо,
И звала кругом заишаста.

Так только начало и стройни
и строчки,
Там теплым рассветом березник
лобелен,
И битые гвозди чернеют, как
почина:

Немного согрел их — поизасты зеленей.
Но осень сейчас, дин погожие редки,
Мечется ветер шальной.

И ты вьешь гнездо на таежной
ветке,
У которой листоуно — шпалы.

енинград — довольно чужой город, но и курортантам в нем относятся по-особому. Девчата здесь не считают грехом знакомиться с ними на улице, шоферы, такси и автобусы вынимают

спорость, чтобы помочь ребятам перед концом увольнения. Бывает, что огромное тело автобуса пронесется мимо остановок, и пассажиры даже не спорят, а только смотрят на ребят, которые стоят на подножке, запуская ленточку бесхозиром, готовые и рывку, чтобы в последнюю минуту, взбежав по широким ступеням, коротко доложить: «Курсант (такой-то) из увольнения прибыл, во время увольнения замечания нет».

Виктор любил этот странный ритм увольнения, метяги зрелищ осеи на аллеях Летнего сада и легкую удачу, с которой можно пофотить и любую девушку, спросить про выдуманную улицу. И, пока она будет старательно вспоминать, задать еще четыре вопроса, а потом идти вместе совсем в другую сторону, спорить о возрасте памятных, рассказывать всеские курсантские истории, либо приветствовать офицеров. И, спустившись к самой воде, целовать ее и слушаться, что нельзя же так, сразу. Прошавшись на клочке бумаги записать телефон и позвонить через месяц.

Зимний отпуск. Дома стоят, попрыгав тонкой изморозью. Щеголеватые бушлаты и бесшабашные бесхозиром заменили шинели и черные ушанки. Виктор медленно шел по проспекту, планируя увольнение. Впереди будка телефонно-автомата. Вошел, заглянул дверь и оказался в середине земной сказки, освещенной тусклой электрической лампочкой. Покистая, записную книжку. Маленький илалейдской имени и телефонной. Позвонить? Вернет? Тонет! А в общем-то все равно. Взгляд упал на торжолливо записанный номер, Виктор механически завертел черную диск:

— Лося, хочешь в театр?
В трубу пульсирует голос:

— Витенька, ты звонил мне через месяц, и я, бросил все, бегу и тебе. Но разве ты не понимаешь, что от этого больно?

— Лося, извини, я больше не буду звонить...
Он свернул с проспекта на заснеженные аллеи парка, очень поштатски сунул руки в карманы шинели.

«Я же не хотел, чтобы кому-нибудь было плохо».

Виктору показались: он снова дома и ушел бродить на Ильминге, в горы. Снег припорошит его пылью. Пришло то чувство, которое иногда рождалось в походе, когда после поворота необходимо остановиться, чтобы не потерять направления.

Под руку попалась машинка с Ленинградскими телефонами, машинка специально для всех этих вроды бы трехместных знакомых. Он повертел ее в руках и швырнул в мекантывый сугроб, выходящий скважой.

В понедельник Виктор принял твердое решение: девушкой существовать сам по себе, а он, Виктор, будет слоняться по саду, как гордый и одинокий айскберг.

В четверг выяснилось: у Левки много залучены прантические по физике. — Виктор сидел и рещал.

В пятницу аэстудия в наряд по-маринками. В камбузе сложилась картофленчество. В поле тридцать взвод подняли по тревоге, и через пятнадцать минут двадцать пять физики маринками с носками и гудки бржали на абсрдом гору картошки. Ко-бура летела черно-белыми лентами. В пидереве маринками, как крошки, гзили капустные листья. Физю осободия от грязной работы, и он, сидя на перевернутом ведре, исполнил на аккордеоне браверные мелодии. В четыре утра последние картофленки, пролетев по одинокованному столу, шлетулаась в котел. Физю, который играл уже что-то очень грустно, грину: «Наберих вас, товарищи, все по местам!»

Утром в субботу встали звава и драмали на первой ленте. Вечером Виктор решил не ходить в увольнение и отоспаться на стульях в какой-нибудь аудитории.

— Нас ждут девчата в технологическом, — возмутился Левка.

— Не поеду, — отрезал Виктор, понимая, что теперь одинокий айскберг.

Позовем кого-нибудь и динем в театр.

— Лев, бывает, что ни черта не хочется.

— Если так — на матон! Работают ноги, и отдишвет голова. Переохладишься у меня.

Над катком гремел оркестр. Когда распахивались двери, музыка вривалась в раздевалку. Около буфета три девушки шили кофе из бумажных стаканчиков. Над ними дермалось облачко пара.

Виктор подумал: «Замерзнул, тоже буду пить горячий кофе». Шиную ботинки, припомнил, что давно не стоял на ноныках, поднялся резко, пошачившись в раскиснувший снег.

— Дернитесь за воздух, — посоветовала невысокая девушка, ставшая станчиной на мраморный столки.

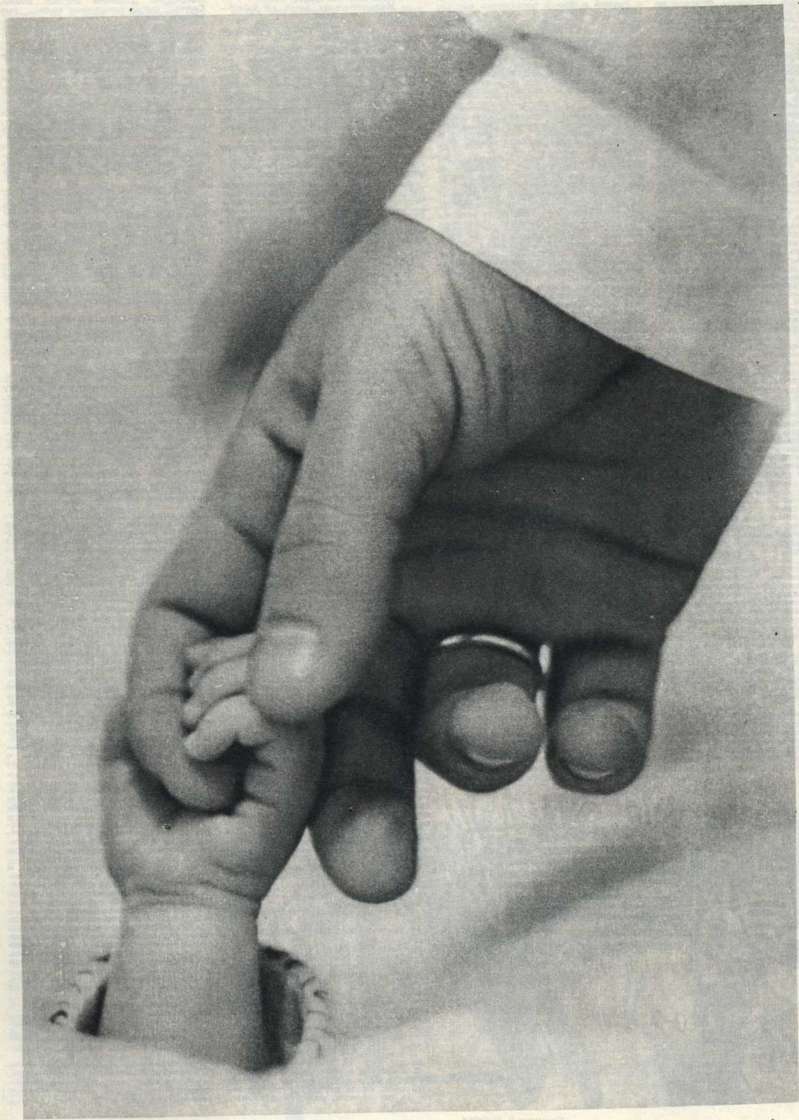
— Девочки, да он клоун, — засмеялась подружка. Только третья, в черном костюме с вензелем и черной шляпочке, смотрела молча, нетерпеливо поправляя вышивающую прядь.

Виктор почему-то обиделся именно на нее: «Незнакомки!» — и стал перешуровать ботинки.

Представил себя со стороны. В коридораватых норвичевских брюках, сием свитере и в зеленом юллане с помпоном, действительно клоун.

Мало прочитав конюны, Виктор подождал немного, острожно встал и заковылял и выхлуд. «А еще говорят, на коннычках не разучишься». Выглянул, вышел на лед, не много нагнулся за руки парня, в зеленых штусах, потом все ремне, ремне, чу и русть клоуну! — подумал он, замахотывая длинными, послелом бросая теле вперед.

Скорость, спорность и спорность... Севралый еще разглядел, коннычки отключаются назад. Виктор обогнал пару, свалившуюся за руки парня, в зеленом свитере, девушку с белым шарфом. И тут мимо проскользнула самая Незнакомка из раздевалки. Она обогла Виктора так, словно он

ДРУГОЙ ДИАГНОЗ

Когда Францев стал составлять список операций на неделю—первой в нем была операция, предстоявшая двухлетнему Олегу,—то Коста... то есть Константин Ильич (так называемого молодого доктора), попросил «дать» этот баталлов протокол ему. Он сказал, что несколько раз уже ассистировал Францеву в таких случаях и вроде бы все усвоил.

Вечаслав Иванович заглянул в глаза «младшего научного»: нет ли в них выражения дерзости! Но ничего подобного не обнаружил, только любовь: «Ну дайте мне эту операцию! Что вам стоит! Вы же сами когда-то так начинали, дайте читать и мне!»

Так ведется со студенчества: сначала ассистировать на одной и той же операции много раз и видеть, пока доверят самостоятельную. Францеву тоже хотелось, когда-то прося: «Владимир Владимирович! Дайте мне самому!» или «Евгений Николаевич! Дайте!» Однако в клиника, где его обучали, просить не было принято. На такую просьбу могли ответить резко. Но однажды —

то тринадцать лет назад — Владимир Владимирович, крупный, громоздкий, чуть похожий на медведя, сказал ему:

— Становись справа!

Справа — оператор, слева — ассистент. Справа четверокурсник Францев, слева ученик Бакулева, ассистент своего Бакулева.

Владимир Владимирович предупредительно раздалга ткани тушными крючковатыми пластинками, осушил рану, подхватывая концы нитей. Это только тем, кто о хирургии не имеет представления, кажется, что на операции «крутят». На самом деле не «крутят», а «везут». Кровоточит мелкое сосудище — а сколько их! — сдвинь блестящими лапками зажима и перевяжи. Видишь венозную веточку, которую придется пересекать, подхвати двумя зажимами, рассек, перевяжи. Ремешок — вяжешь, завязываешь — там, болеть вяжешь. Быстро завязываешь узлы — больше оперируешь. Не умеешь — операция затянется.

И после того ночного дежурства студента-четверокурсника в Первой градской, в клинике Бакулева, тринадцать лет от одной операции к другой — это шло одно и то же по дорожке: Францев ассистировал по многу раз и подолгу ждал, когда дадут самостоятельно удалить желчный пузырь, потом сделать резецию желудка, еще что-то, еще что-то. В 58-м, когда он стал ассистентом в клинике грудной хирургии и профессором, Францев делал, за него просили товарищи: «Евгений Николаевич, дайте Францеву, он сможет! Это же баталлов проток, и случай типичный!»

«Может, действительно стоило бы сказать Константину Ильичу сегодня: «Становись справа!» Нет, не справа, а «слева» на перевязке баталлового протока хирург стоит слева от пациента, У Кости голова хорошая и руки хорошие, вышеле — был ординатором у Долежого.

Ординатору Францев ответил так:

Знаешь, Коста, когда Лябов уехал из Куйбышева, там один профессор решил, что, посмотрев на либискую работу, он уже все может. Вот и взял больного с митральным стенозом. А больной — на столе... Он ткнул большим пальцем вниз... А у профессора — инфаркт!.. Не торопись. И потом, когда парализован у хочу оперировать сам. С Мартой Николаевны.

Почему сам? Шут его знает, почему! Ребенком как ребенком. Два года. Белоголовые. Веселенький. Поступил в общем порядке. Никто за него ходатайствовал, не завалил по телефону знакомые. И случай действительно обычный — незаращение баталлового протока, простейший из врожденных пороков сердца: сохранился сосуд, по которому кровь еще не родившихся младенцев (они же не дышат, пока не родились) идет из легочной артерии в аорту. Проток надо выдвинуть, вскрыть грудную клетку. Выделить, прошить, расщепить; удостовериться, что все сделано чисто, нигде не кровоточит, закрыть рану — вот и все.

Утром на обязательной пятиминутке докладывал как раз Константин Ильич. Он накануне дежурил.

— Стояло в отделении столько-то детей, двое выписано, двое поступило. В последовательной палате один ребенок. Ночь прошла спокойно. Больной Азанин, двух лет, на-

значенный на операцию, к операции подготовлен. Подробно доложит палатный врач.

Прогнозос последнюю фразу, Константин Ильич посмотрел на Францева так пристально, как мог, но Францев сделал вид, что взгляда не замечает. Доверь он операцию Косте, о больном бы докладывал Коста и наверняка бычье и лучше, чем палатная докторша, которая развернула историю болезни и принялась читать почти все подряд. Ладно, хватит об этом думать. Нужно переклеститься на главное: сколько бы ты ни занимался большим — неделю-две, пока шло предоперационное обследование, — сейчас все перепроверь.

«Баталлов протокол» — Францев так подумалось сразу, когда начал осматривать этого белоголового Олежку еще в поликлинике. Это же не под экраном рентгена, а направив на мальчика настольную лампу. Они именно так и выглядят, дети с баталловым протоком: обычные дети, только они чуть меньше, чем должны быть в своем возрасте, и еще — они чуть бледнее.

Палатная докторша — она была здесь совсем новичком — привлекла листая историю.

— При поступлении составные ребенка средней тяжести. Пульс... Артериальное давление... Граница сердца... Шум на верхушке и во втором межреберье. При электрокардиографии... При рентгеновском обследовании...

Все это Францев помнил. Ничего нового, незамеченного. Длинно и подробно... сказала палатная докторша. — Показана операция. Ребенок осмотрен анестезиологом. Протопоказаний к наркозу нет.

«Плюси уставные формулы», — подумал Францев, — сейчас будет по согласию родителей.

— Согласие родителей на операцию получено. — Надо продемонстрировать рентгенограммы, — сказал Францев. — Рентгенограммы и кардиограммы. А вы только переписываете заключения.

Докторша покраснела, стала рыться в пакете, вложенном в историю болезни. Ничего, пусть приучается.

— Есть вопросы к лечащему врачу?

— По-моему, случай ясный...

— Вы твердо уверены, Константин Ильич?

— Да, конечно, — ответил доктор-стажер. — Воспаление легки. Типичный внешний вид. Типичные...

Он продолжал говорить, в каждую фразу вставлял «типичный», «типичная», «типичное». И не спроста.

Францев его перебил:

— Вы считаете обследование полным?

— Да, конечно, — ответила доктор-стажер.

— Грсс — в «Хирургии младенчества и детства», — сказал Константин Ильич, — указывает, что при баталловом протоке зондирование и контрастное исследование нецелесообразны.

«Жж, грсс... Интересен, он действительно читал Грсса по-английски (было бы переведено) или просто знает о его мнении по ссылкам в статье? Наверное, читал. Константину будет со временем хорошему хирургу. Обстоятельно. Но, конечно, не раньше, чем все переживет для него такая простыня и иссы, как сейчас... И все же, не будь-малыш таким маленьким и слезливым, он, Францев, чит этот случай и «типичные» по всем статьям, плюнул бы на Грсса и, пожалуй бы, назначил и зондирование и все прочее... Все было типичным. Только плечу у мальчика казалась слишком широким. Фигурка, как у атлета. Францев несколько раз дотошно выспрашивал у матери, не

Вечаслав Францев

было ли у Олежки обмороков и еще кое-что... Нет, не было. И давление все время в норме. А раз так, значит, баталлов проток.

— Ну, что же, — сказал Вечаслав Иванович, — если все все ясно, давайте работать.

Ординаторы пошли в обход по палатам. Анестезиологи — в операционную, начинать наркоз. Францев достал ключи и отпер ящик стола — один из своих «закромов».

«Закром» завоедал себе все хирургии и не торопится истратить запасы. Там хранятся мотки цветного нейлона, травматические иглы, ампулы арфонада, понижающего давление, и препараты, останавливающие кровотечение (бардур они у анестезиолога не ко времени кончатся). Хранятся там новые химические антибиотики, еще не пошедшие в серийное производство, и катетеры для зондирования сердца, и, конечно же, ласановые трубки, которые вшивают вместо дефектных сосудов, — вот они, трубки.

— Может быть, взять трубку на всякий случай!.. — Слава!

Францев вздрогнул: задумался и не услышал, как дверь за спиной открылась. По имени его здесь называл только один человек — анестезиолог Островский.

— Слава, у тебя есть арфонад? Вчера израсходовали последний, аптека обещала только завтра.

— Арфонад!

Они с Островским пять лет проработали вместе. Францев был у Мешалкина ассистентом, Островский — аспирантом. Францев стал доктором, Островский, правда, к докторской лишь собрался приступить.

С Островским ему спокойно: оба одной школы, понимают друг друга по взгляду. Островский ведет наркоз, ведет больного по опасным путям операции. Если что и случится — остановка сердца, кровотечение, — он со своими помощ-

никам сделать все, что нужно, и в той последовательности, в которой это делалось там, где они работали. Француз с ним даже не нужно переговариваться. Просто يؤدي один за другим определенные этапы работы, обним хожу жвастане. Каждый будет делать свою, пока все не придет к норме.

— Давным-давно, понадобится?—спросил Островского Францев.

— Так... На всякий случай.—Островский посмотрел на руки Францева. В них были гидроформованные резиновые трубки.

— Вот так. Он держал эту трубку в руках уже минуты три, раздувая, но захватить ли ее в operation, а Виктор пришел за арфоном, который при обычной привязке батолова пружина, как иногда не применяется, тоже на всякий случай.

— Не мешает, что у мальчика плечи чересчур широкие?—

— Кажется,—сказал Островский.—Давай арфон.

Получив в аптеке—вернее, что запас не убывает—Островский и половой ампулу в нагрудный кармашек халата.

Ласановую трубку Вячеслав Иванович все-таки оставил в ящике и отправился в operation, стараясь пройти коридор поскорее, чтобы Константин Ильич не успел перевести его и не завел опять разговор. Оказалось сейчас сам Францев ординаром—на месте Константина Ильича,—он не преминул бы подойти еще раз и снова сказать: «Случай-то типичный! Дайте! Пора уже!»

— Францев взял руки не торчком, глуповато тер руками марлевые салфетки. Марта Николаевна и второй ассистент в operationной уже облачили в стерильные халаты. Конечно же, Константин Ильич заглянул в отсек, где писались в тазу Францев, и Вячеслав Иванович не преминул спросить его будто бы участвова:

— Что тебе, Костя?

— Ничего.

Тоска в глазах Константина Ильича сменялась болезненностью сознания.

— Францев подумал: «Может, надо было его хоть ассистентом поставить!». Успел. Все вперед. Он кончил пальце. Прошел в operationную. Вытер руки стерильной марлей—принимая движения в наставле в порядке операции—пальцы, потом кисти, потом запястья, потом предплечья. Надел халат и перчатки, сказал, чтобы стол приподняли повыше, взяв тампон, смоченный йодом, и на теле мальчика прочертил корничевым линиме будущее разреза.

С Мартой Николаевной оперировалось отлично. Когда он пришел впервые в МОНБИИ, в эту клинику (Марта Николаевна заведует здесь отделением хирургии детей), познаноюся, стал приглядываться: обычная женщина, но-женщина-потрясная, по размерам чуть простовата. А на operation оказалось—мастер! Не зря ее выдвинули когда-то сам Борис Эдмундович Либберг, один из основоположников современной хирургии в СССР, в Ленинградское сердце Марта Николаевна участвовала с большой охотой. Вот и сейчас все шло спокойно и просто. Мальчик отлично спал. Доступ к арте и батолову протону получился удобный. Правда, когда батолов свернулся, оказалось, что за счет перекоса его эскаровка имеет дефект—что-то вроде эконо. Комбинация порков—обычное дело. Это незначительно. Константин Ильич с ним бы справился.

Францев обмолвил протон.

— Сильный скантер в динамике. Подумалось: «Нет, это не для первой operation»,—и тотчас все мысли о Косте исчезли./Объяснила арте. Как раз над протонем она была изуродована, сумела, казалось, арте здесь словно ступила изнутри—что неоправданно и чудовищно.

Францев громко сказал:

— Виктор! Так и есть: коарктация. Готовь арфон.

Принесли,—сказал Островский.

Францев поднял глаза, встретил удивленный взгляд Марты Николаевны и еще—из-за ее спины—Константина Ильича. Он сказал на ей, и на ему, и на Островскому, а второй ассистент, старшему:

— Видите! Диагностическая ошибка. Здесь коарктация.

! МОНБИИ—Московский областной научно-исследовательский институт имени И. Ф. Владимирского.

Старож знамену:—

— А протон!

— Сам по себе. Вернее, он всегда не зарастает при сужении арте... Замки!

Как только он сказал «Замки», Островский вынул арфон.

— Проток пережат!—сказал Францев.

Кардиограф продолжал мужухать.

— Все спокойно,—сказал Островский.—Продолжай.

Он выключил кардиограф.

— Шты!—тихо сказала Францев сестре.—Аларат!

Сестра подавала аппарат. Вячеслав Иванович остался сидеть на протоне и, вращая винт, ронно посылал его в ладонь, Сомнивая и еще чуть-чуть повернув винт, но не до упора, а меньше ровно на пол-оборота. Проток был прожит. Когда Францев снял аппарат, то увидел ровный рядок тончайших скобочек на стенках сосуда. Кровь не текла.

— Шты!—снова сказал он.

Сестра зарядила аппарат новой порцией скобочек. Вячеслав Иванович снова посадил аппарат, вернул на протон угол в арте и, снова стал, слегка выдвигая, его ладонь, помня, что нужно не довернуть до упора ровно пол-оборота. Он не считал поворотов винта, да и как их сосчитать? И на контрольную черточку, на «кривую», она обозначала положение ладонь поворотом патрона, что вот еще два оборота осталось до упора, полтора, один, половина...

В 57-м Евгений Николаевич Мешалкин ушел из клиники своего учителя Бакулева на самостоятельное хозяйство и Грета в этом же был, все складывалось самостоятельно, первое время все оперировал сам. Во всяком случае, operation на сердце профессор делал почти все сначала сам. Ассистировали ему обычно Медведев и Францев. Или Францев и Микозан. Или Микозан и Медведев.

Они очень хорошо работали—и профессор и его ассистенты. На operation Евгению Николаевичу почти ничем не приходилось говорить помощникам. Сам понимал.

Францев вел занятия с врачанами-универсами, проходившими усовершенствование, разбирая случаи, выделяя разных пороков сердца, принципы диагностики, ход operation. В ту пору хирургия сердца у нас была освоена лишь в нескольких крупных лечебных центрах: в Москве, в Ленинграде, в Киеве. Францев, как и Микозан, участвовал в operation на сердце. А он участвовал в них все ассистентом.

Францев, Медведев, Микозан не раз прошил, но не за себя—друг за друга: «Евгений Николаевич! Дайте сделать!»

Мешалкин коротко отвечал: «Готово».

Принде чем профессор разрешил Вячеславу Ивановичу сделать первую перевязку батолова протона, Францев ассистировал на такой operation раз восемнадцати. А может, и сто. Как ни он не аппендичит. На тех восемнадцати или ста operation было все, что могло быть: кровотечивая, остановка сердца, не распознанные режущей порции.

Начавшийся в очередном списке operation, назначенных на следующую неделю, Вячеслав Иванович увидел: «Болезня П, 17 лет, диагноз: незаращение батолова протона. Оперурует Францев. Ассистентом...» Он был твердо уверен, когда думал об этой великой operation, что ассистировать будет профессор. Но в списке стояло: «Ассистентом: Медведев, Микозан».

Ему давай действительно самостоятельно operation. Впрочем, при таком ассистенте, как Медведев, можно было ничего не бояться.

Аппарат для прошивания протона был сконструирован у них в клинике. Кроме Мешалкина, им тогда еще никто не пользовался. На той operation Францев, прошивая проток без арте, повернул винт—так полагалось—до упора. Когда стал снимать аппарат, увидел, что из-под ладонь показалась кровь, и по ощущению, что аппарат стал чуть толкаться, помню, проток перерезался. Биле дана, в момент, когда ладонь, точнее, из стенок арте, хлынул...

Он спокойно попросил Медведева:

— Игорь! Прижили стенок арте у культи.

Медведев наложил мягкую жамку.

Францев снял аппарат и сказал:

— Так и есть. Перерезан.

Он зашил стенок арте. Все было сделано чисто.

Потом Францев спросил профессора, почему так получилось. Евгений Николаевич, почему так, осмотрел аппарат—он был в порядке.

На следующей operation Францев на всякий случай прежде, чем прошивать, заранее наложил на стенок арте у места впадения протона мягкой жамки Долгострой. Вышеисого. Прошил. Протог снова перерезан, но теперь все это ничем не грозило.

Потом оперировал профессор, и все шло гладко. Тогда Францев спросил: «Вы замечали, что до упора? Мешалкин» сказал: «Просто пока не до упора, что больше не надо». Разница была в половине оборота небольшого винта.

—...Францев снял аппарат. Танталовые скобки аккуратно скрепились стенок протона. Он ронес к сосуду. Ничего не осталось. Тогда Францев сказал:—

— Замки! Для арте!

Один operation он уже кончил. Ту, что была запланирована, ту, что просит дать ему сделать Константин Ильич. Предстояла вторая.

Островский спросил:

— Ез протезе!

— Конечно,—сказал Францев.—Парень ведь будет еще расти и расти. Если поставить сейчас протез, потом снова образуется стеноз. У него тогда хорошо спит!

— Хорошо,—ответил Островский.

— Давление!

— В норме.

— Точней!

— Конечно. Он же еще маленький. У таких гипертония при коарктации не всегда бывает.

— Знаю.

Францев прикрыл рану салфеткой. Работа приостановилась. Никому было подождать немного. Сразу, как только обнаружилось коарктация, operationная сестра сказала санитаркам, чтобы приготовить новые инструменты, и теперь надевала на ладонь пропеченный тампон стерильные зонды, чтобы проверить, чтобы ладонь не поранили стенок арте и крупных артерий, которые Вячеславу Ивановичу придется на время переименовать.

Францев посмотрел на Константина Ильича, тот все стоял по-прежнему молча с сильной ассистированием.

— Ну как, Костя!—спросил Францев.— Что пишет на этот счет Гросс?

— Что такое, кто и радио, но случается, как раз когда оперируют маленьких детей, у него есть ОСТ, а это была клиническая картина. Об этом, кстати, пишет еще и Либберг,—сказал Константин Ильич и почему-то посмотрел себе под ноги.

Францев подумал, что Константин Ильич, пожалуй, теперь будет терпеливо ждать, пока его назначат не ассистентом, а оперирующим...

Сестра аккуратно подвела колески режущих трубок, насавенных на ладонь жамки, и сказала:

— Готово, Вячеслав Иванович!

— Сколько сейчас времени!—спросил он.

— Одинадцать,—сказал Константин Ильич.

— Сколько оперируем!

— Час с четвертью.

— Сила,—сказал Островский,— я начал вводить арфон, когда ты все перекрестил. Не ронше.

— Ладно,—сказал Францев, снял с руки салфетку, бросил ее в таз и проткнул руку за жамкой. Работы предстояло еще на час-полтора, если не больше.

В от, собственно, и все.

В истории болезни Олега Алашкина было несколько операций, диагноз, и operation названа иначе, чем предполагалось.

Когда после operation Вячеслав Иванович сказал родителям мальчика, что получился успех: обнаружен другой порок, и этот порок устранен—родители не стали очень упорно разбираться в докторских объяснениях. Для них важным было совсем иное. Событием, да, кстати, и небольшим, было это было для одних лишь врачей. Для самого Францева и, конечно же, для докторов, которых просил ему сделать эту операцию,—это доктор, который, который в очереди на Иван Константинович Ичюном.

Двулетний Олег недавно снова побывал в клинике. У него все в порядке. Просто так иждивению у грудных хирургов: время от времени их пациентов, даже совсем выздоровевшие, приходят на осмотр.

В одном почтовом институте подвзрел сразу несколько кандидатов технических наук. Как выяснилось, один из них готовился сдать доктором. Можно сказать, именно это обстоятельство и послужило поводом для потасовки. А причиной оказалась новая машина. Новая машина встала на пути его первоначальной диссертации и так внезапно, так неожиданно все ее положения сделала устаревшими.

Автор диссертации не смог вынести это потрясение и вместе с ирритацией попытался попутать на разработку новой конструкции упомянутому выше доверовавшему способам.

Битва закончилась в институте (произошла на невесту сотрудницы), продолжалась на лестнице хилого дома. Пострадавшему изобретателю, автору новой конструкции, на другую день был выдан билетик.

Мне надо было только сесть за стол, подвухнуть к себе вешную машинку и вписать по этому поводу лхотный фелеток. Но за бумагу, вроде как доказательство от противного, просилось совсем иное событие, событие воздушности давности. И не стала сопротивляться, тем более, что у друг друга событий самая прямая связь.

ДВА ДНЯ СЕРЬЕЗНЫХ ВОПРОСОВ

Где-то, кажется, в июле сидела я перед Георгием Давыдовым, кандидатом технических наук, внештатным секретарем горкома комсомола, и неловко улыбаясь и блонюя стандартные фразы. Что успех технического прогресса страны находится в зависимости от способности и творческому росту молодых ученых и что только наивный и ослепе собраться комсомольских секретарей всех научных и отраслевых институтов и поговорить об этих самых способностях; что мешает их развитию и как их лучше организовать. Тогда, в июле, никто не знал, что выйдет из этого в октябре. И вот в однодневном доме отъезда с несерьезным названием «Елочник», с сумасшедше желтыми березками сто двадцать начинающих ученых собрались и завели разговор будто бы даже немного не на свою тему.

В зале на шести мест отравилась компания наемных и тогда тулея между раданми подступаниями холод осени. Никто не обращал внимания на холод — комсомольские секретари говорили о том, какие организационные задачи ставят современность, перед наукой и как их должно решать.

Именина больших ученых в зале ютились, как мячиана, отчаянно прозиньными мыслями юрими. Судя по условным догадкам, подергивая свои положения читатями из Маркса и Ленина. Шел деловой, рабочий разговор. Он пошел, как сказал один из ораторов, по двум скрещивающимся прямым. Один говорил о проблемах, решаемых в рамках комсомола, другое — о проблемах, для решения которых требуется вмешательство более компетентных организаций.

Давыдов бросил карандаш и посмотрел на меня деланно-озабоченно:

Э. ДАНИЛОВА

— Неужели понятию!

Я как можно более непринужденно пожала плечами.

— Очень красиво звучит «плавающий вес»!

Давыдов вздохнул (ему всегда бывало жаль убитого времени).

— Плавающий вес — всего только термин, — сказал он сдержанно и, извинявшись, отошел и грустно пошел.

А с набросанной им схемой пошла к Валере Миняеву, физику с голубыми, может быть, даже слишком для мужички голубыми глазами, и попросила рассказать еще раз все сначала и помедленней.

— Хорошо, — терпеливо сказал Валерий, и опять заласкала передо мной икс-и-грек, и по осям координат теперь уже Валериной рукой откладывались отдельные люди, сотрудничавшие в воображаемой лаборатории, отдельно их творческая отдача; и плавающий вес, коэффициент важности, помноженный на сумму баллов, выведенную из множества словных параметров, математически точно определяла местонахождение соответствующей точки на вычерченной Давыдовым вертикали. А у голубошарыб-сы, как звали ирвичей слова безжалостно обрубалась зюста. Валерий отскакал его карандашом, подгонявая:

— С тем, что оказался в зюсте, требуется особый разговор. Разобраться надо персонально; может, у человека икс-и-грек и так имеет далеко, за городом, а может, он попросту ленив либо бездарен. Тогда ему жму руку и — до свиданья!

— А как же трудовое энтузиазм?

— Лично я считаю, на данном этапе оно прикрывает лентяев и бездарей в науке. Но, с другой стороны, ничто не вечно под луной... За ними остается право анализировать.

Они пришли и этому самостоятельно, кандидат наук Георгий Давыдов и младший научный сотрудник Валерий Миняев. И когда год начался на очередной комсомольской конференции Георгий впервые попытался рассказать с трибуны о разработанной им

схеме количественного подхода и качественной оценке производительности труда ученого, Валерий уловил за шумом зала родственную мысль и, протоплявшись потом к Давыдову, потребовал уточнения в деталях. Формулы, оказалось, протягивают руки.

Я тоже сидела на той конференции.

— Валерий давно молчит и смотрит на меня скоморохом непроинципиальными голубыми глазами.

— Спасибо, Валерий, — спохватывался я. И вот уже в который раз мимо себе слово немедленно математизировалось, а может быть, даже прямо с завтрашнего дня.

Но дело, в общем-то, не в математике. Дело в объекте, в другом. И чтобы понять это, совсем не обязательно обладать специальной подготовкой. Стоит только внимательно прислушаться к тому, о чем спорят в перерывах, о чем говорят, не уходящими в регламент, записанные устные научные труднички Москва.

Что такое наука сегодня? Это гигантские предприятия и сотни тысяч людей, занятых в исследовательских разработках. Тамиста открытий из лабораторий «сухих» и в среднем давно перестали

встречаться в такие места, где уже теряется грань между индустриальными институтами и заводом исследовательского профиля. Наука становится производимой силой общества, ее удачный шаг в эволюции занятию тяжелее, и обществу уже далеко не безразлично, каким образом функционировать весь этот сложный механизм.

А функционировать он, в общем и целом, нежелает. На этот счет у ребят, собравшихся в «Елочка», точка зрения одна. Организация науки и наука организации — вот та оснана, на которой складывается вся административная конструкция света и струбные униформы, познание сущности существующих машин. И хотя как-

дый из них изучает свою, особую форму движения материи, принципно, всеобщие им работать так, как они бы хотели, и так, как они бы могли, удивительно стереотипны.

Время открытий, современных генеральных озвучиваний, прошло, как говорят, навсегда. Над открытием вынуждены бороться коллективно. И групповое исследование, а следовательно, и его результат во многом зависят от того явления, как «исключительно» климат лаборатории. С коллективизацией науки в исследовательском процессе не меньше значимы, чем математический расчет, приобретают человеческие эмоции. Так сказать, взаимодействие страстей.

Об инстинктивно-производственных дрижах вообще-то говорить не принято. Восстановили ладу на эту тему предостаточно молчать. Непридет копировать сотрудничества. Драться они осуждают, а кто там, кто и виноват — дело тутанное. У коллективиста характер толще с причудами — индивидуалест. Хотя и талантливо безмерно. Вам в этой истории тоже копаться не советуем. Машину лучше посмотреть.

Всетаки сфелалась.

Я бы и не копалась. Я в копаше лишь потому, что видела эту машину. И знаю, что история, подобные этой, в масштабе ослабленных вырывает не так уж редко в СССР. И что на раз и на два талантливое изобретение пробивалось к жизни таким, мягко выражаясь, нежеланным путем.

У машины такие характеристики, каких нет ни у одной из зарубежных, созданных в этом году, и своим существованием она обижала комсомольские институты. Отчаявшись «пробить» машину через лабораторию, автор конструкции попросил помощи у комитета комсомола. Награда призрачная, ноуталаемой, на обширных выгалах работы, и вот она уже

МОДЕСТРУКТУРЫ КРАСОТЫ

В. БОЧАРОВА
Фото В. ТЮКЕЛА

А лекции. Семинары. Строгий декан. Спокойная тишина занятий и шумливые разговоры на переменах — словом, обычный факультет обычного вуза. Только в аудиториях тесно от гипсовых фигур, заремодивших углы, многочисленные стеллажи, столы, дж в крохотной комнате деканата нет обязательных шкафов, набитых курсовыми и дипломными работами. Зато полки тесной кладовой в конце коридора пестрят разнообразием цветов и оттенков — золотая роспись. Ухожены, пастельных тонов керамические кувшины, брызжущие чистой краской фэдоскинские шпательки, современных рисунков коври, плады, дорожки. Это и есть дипломные работы студентов художественно-технологического факультета Московского технологического института Главного управления бытового обслуживания при Совете Министров РСФСР.

Московский технологический мо-

лод. Всего шесть лет назад пришли в аудиторию его художественного факультета первые студенты, люди с солидным стажем работы на художественно-промышленных предприятиях. Недавно они разыхались по стране преподавателями училищ, художниками, главным инженером и руководителями художественных мастерских, ткацких фабрик, ателье. Заместитель декана Валентина Ивановна Николаева достает с полки наборы токарных иржурес: оригинальных смывных закрушек, забавных человечков, пышных матрешек, расписанную по народным мотивам посуду, ковалерной работы сувениры, вспоминает их создателей — первых выпускников.

Сейчас Ирина Харитонова — художник-декоратор ГУМа. Но скоро, когда она закончит вечернее отделение института, у нее появится еще одна специальность — модельер.

Через два года факультет выпустит специалистов нового профиля — модельеров одежды и текстильщиков — мастеров по выделке ковров, художников по росписи тканей. А пока... Рабочий день студентов-технологов загружен до предела — лекции по общеобразовательным предметам, уроки по рисунку, живописи, композиции, конструирование новых моделей одежды, швейное, ткацкое дело. Но для будущих законодателей моды умение кроить и шить не главное. Есть в учебном плане дисциплина, которую ни в каком другом институте не преподают. Называется она несколько необычно — «наколка на ткань». Наколка на ткань — значит, придумав оригинальный фасон, скон-

струировать платье прямо по фигуре, не делая бумажных выкроек.

Весной и летом сота завяленный ложится на стол декана факультета Сергея Михайловича Буданова. В каждом однок: «Прошу принять...» Но лишь сто счастливым будет ходить на лекции, с завидным упорством бьтсь над каждым эскизом, подолгу сидеть над молльбертом, пристально глядя-ваясь в натуре, а потом, незадолго до начала сессии, возмущся, готовить все сделанное за семестр к экзамену по специальности. Аудитория тогда станет похожей на выставочный павильон — завешанная рисунками, эскизами, набросками.

После экзаменов пустует аудитория. Целый месяц на факультете царствует тишина — студенты разъезжаются по стране. На прибалтийских ковровых фабриках и в заманитом Фэдоскине, на фабриках иржурес в Загорске, в Напльчике, в уральских городах проходит они производственную практику. Тут ткани и ковры, вытачивают и расписывают шпателькой, сервизы, вазы. Зачастую образцы, выполненные руками практикантов, ни в чем не уступают работам профессиональных художников. А некоторые — и это высшая оценка — экспонируются на выставках издальной прикладного искусства во многих республиках Советского Союза и за рубежом.

Сто выпускников художественно-технологического факультета придут скоро в дома моделей и ателье, на фабрики и в мастерские. В дипломах у них будет написано стандартно: «Присвоена квалификация художника-технолога». А профессия их называется радостно — конструкторы красоты.

Перед экзаменом...

П Р О Ш А Н И О

Генрих МИТИН

Андрей Витов выступил с повестью «Такое долгое детство» (изд-во «Советский писатель». М.-Л. 1965), первой которой, Кирылла Капустин, решительно осудил инфантильность героя и своих товарищей-студентов и не менее решительно провозгласил: «[Д]а» трудовым будням взрослого мира. То есть обычная история: переходный возраст, повзреление. Все нормально, казалось бы.

Но критик, заручаясь, и шерсть на ней встала дыбом.

Что же не понравилось «взрослым» критикам в «молодежной» повести? Перечислим:

1. Трудовые будни изображены слишком буднично.

2. Герой не стремится «переделать» жизнь.

3. Герой взрослеет «в одиночку», недостает «массовости».

4. Вообще неясно, в чем заключается «повзреление» героя и чем он лучше других... И вывод.

Конечно, бывают и такие Капустины Кирыллы, но повесть с очевидностью доказывает, что у одного Кирылла затнулось детство, у незадачного автора повести тоже не очень-то заметно повзреление.

Вот те на! Раскритиковали героя в пух и прах, а потом выяснилось, что плох он не менее (увы, такие встречаются в жизни), а сам автор. При этом критик — я именно в виду статью Н. Каадо «Детство, действительно, затянулось!» — не позволил учесть того хотя бы, что «новое» звание начальника А. Витовым — «Большого шара», только начертано позже...

Итак, Андрей Витов еще четыре года тому назад написал повесть не о герое, но об очевидном парне, который раньше других своих товарищей уходит из затнувшегося для всех детства. И уходит на самую заурядную северную шахту с двумя сложившимися коллективами рабочих и твердым ритмом работы.

О таких шахтах не пишут по той простой причине, что никакие газет не хватит, если писать о столь заурядных шахтах.

И Кирылла уходит на эту шахту не потому, что он так решил, и не потому, что он выбрал эту шахту.

В конце концов очень редко встречаются такие молодые ребята, которые умеют учиться, и потому не жалея их переставляет, а они сразу же бегутся переставлять жизнь. А Кирылла Капустин еще и институт не окончил. Он не глупее других, но и не умнее. Просто у него другой характер.

В этом его беда — предвзятость.

Парень с таким характером может очень просто вылететь из института «ни за что», но именно он может раньше других понять кое-какие важные вещи.

Все студенты едут на практику, а для него, Кирылла, это уже работа, потому что его действительно очутились на институте. По предостережению приказа, который «уже висит». По приказу Кирылла уже не член студенческого коллектива, но на него успели выдать билет: лучший друг Мишка особю избирает на это обстоятельство — словом, Кирылла может ехать с ними, если хочет. А он не может не хотеть: приказ приказом, но по сути он еще студент.

Характер у него такой, что каждому действию предшествует тяжелое размышление: «Кирылла уже один стоял на платформе, расставив ноги, и рассматривал с носка на пятку свои в ступню сапожничества; рассматривал, пока не решился и прыгнул в вагон».

То есть так же рассматривает он с носка на пятку на протяжении всей повести, каждый раз, когда надо принять какое-то решение.

Таков характер. Может быть, и «отрешением» его называли студенты не за какой-то особо гениальный ум, а вот за эту его привычку рассматривать с носка на пятку, прежде чем решиться на то, на что это все решился. Чрезвычайно легко и просто — «так, как и должное» в молодости.

В общем, Кирыллу от друзей-студентов сразу же отличает эта «тажелостая» мысль, характерная, казалось бы, внутренней серьезности. Наверное, поэтому и похвалился ему с первого же взгляда шахтеры-работники. Миновали формальности, шахтеры сократили — виноватину! — срок пребывания Кирылла в «университете», приедая в соответствие его зарплата с его трудом. Эта честность Кирыллу понравилась. Он писал маме: «Даром тут не платят, говорят работая, но даром тут и не работают». После незадуманного изгнания из института Кирылла особенно был восприимчив к этой серьезной рабочей справедливости, обычной, будничной, значит, твердой.

Так наметилось его внутреннее сближение с шахтерами. А с ребятами тем временем пошли «близости». Кирылла, не будучи Кирылла, и Кирылла и по своей душе еще больше пребывает им быт.

Знаменатель эпизод в столовой, когда Кирылла, уже прояснив свой талант, не знает, что «новое» звание начальника одного из студентов — посоветовал ему жить «второе» место так, без таланта. Как делали все студенты, автор ведь не хитрелю.

Который всеюду, иронично описывает странную «близость» Кирылла, не будучи его по привычке последовать совету Бронета и его адепта на Бронета, — а под этим слоем юмористических румин скрыт самый настоящий румянец стыда. Для Бронета это просто лаяла студенческая проделка, а мире работая, а для Кирылла — принцип отношений с тем серьезным трудовым миром, который уже был близок и дорог ему. Он чуть было не отступился в са от расхолаживания на Бронета. И Бронет отреагировала правильно!

— Тоже мне, под работу агресия!

В одном ошибся Бронет: Кирылла «не играя под, ему вообще органически чужда эта манера «играть» под», хотя, поддвываясь атмосфере студенческой жизни, он то и дело пытался «играть» под. Но каждая такая попытка кончалась крахом: он только иногда видел себя под ядром избранной маской и одновременно с этим видел армюю колена на ладьях всех тех, у которых столь затнулось детство.

Всю первую часть повести, названную автором «Три дня неуверенного человека», можно назвать иначе, по крайней мере, «Человек из маскарда».

И вот что любопытно: описание этой игры с масками начинается с описания человека, который, видимо, никогда никакого участия не принимал в игре, а только наблюдал, потому что не мог маскариться, а с описания шахтера Коля.

Чем замечательнее этот человек? «Коля» — другое дело: явное меньше Кирылла, второе дело, в никогда не устает. Такого у него была жизнь, что не способен он теперь от работы устать. И тюрьма, и война, и шахта — тридцать лет из сорока пяти — вся жизнь. Привычка. А если и устал он, то другой усталостью. Когда Кирылла предостерегает себе не может, а работа — что?

Таков в Коле внутренний человек. А внешний? «Невидимый, уловитель мужиков».

На студенческом молодежном маскарде

все ценности как бы перевернуты. Вся жизнь — в маске, в воображении, а что же и в самом деле?

Вот Кирылла после смены. Ему хорошо. Пусть с помощью Коля, но он выдержал. Почувствовал в себе «настоящего» человека. Искался в душе. И «гидроэнергетик» уже нулся ему, как своему? И вот он уже и по работе идет, а еще и смотрит на себя с гордыней: «Какое мужественное и сильное у него лицо, твердое, с живым взглядом».

Так идет примера маска.

Маска снимается просто: зеркала в эстетике столовой. «А в зеркале — он, какой есть, что являлось для него полной неожиданностью и разочарованием: круглое его лицо, расправленное носом лицо, широко выгнутая губа и бессмысленные глаза...»

Такой же маской была и его решительность в улаживании за Лусей. А под этой маской была робость, неясность, неуверенность. Поэтому-то и случалось он так часто.

Посмотрев некий новейший кинофильм, Кирылла решительно примерился к новой для себя маске. И вышел из зала «небрежной» походкой на своем одиозном, чуть похотливом тыте ногах. С особой значительностью закурил сигарету (яркая вспышка пачки вылетела из темноты его резкие, мужественные черты лица). Выход же был устремлен не столько к своему столу, сколько к уютной, усталый такой взгляд (все видела это надложа напоминающаяся лицо). Ботаники вцепились в тротуар с неумолимостью крупного пса.

Но вынимая сигареты изо рта, он посмотрел на Лусю сияющими глазами и лукавыми взглядом киногероя.

— Ну, как? — сказал он небрежно.

...И тогда он увидел в янтрине свое отражение и невольно отступил ноги и отступил на коленах Бронет, увидел и поморщился. Бронет был Мишкин».

А Мишка щеголял перед Лусей в хороших брюках Кирылла.

Странно, но есть критики, утверждающие, будто в этой повести юмор Витова не выдержал напряжения большой формы и растворился в тривиальности...

На маскарде обязательно должны быть и «странные» маски. Так и здесь. «Вдруг чья-то рука легла Кирыллу на плечо. Кирылла вздрогнул и обернулся. Огромный парель с бандитским лицом стоял рядом. И рядом с ним еще один огромный парень, в черной шапке, — подумал Кирылла. — Еще и прыжку за нас. Было бы хоть за что...»

А оказалось совсем не то. Парень просто хотел обратить внимание Кирылла на то, что Бронет и него столь испуганы, а ведь он с девчушкой... Только тут Кирылла сообразил, почему дрян Мишка выпрямил у него бровки взамен смеха.

Странная маска оказалась доброй. Другая маска оказалась хитрой и жестокой.

А вот куда по упали девушки, и все слышно в маске: «...девочки несли свои лица. Они их имели «несча», потому что лица их завалились отдаленными и неопределенными от души, от тела, потому что их настоящие лица были другими, а эти рождались с усилием, с трудом и были кажукинскими».

Нет, это не «обобщение», а конкретика. Завалил бы умный, ироничный критик. Это маскардетство, дети растут и примеряются «лицом» до тех пор, пока не отбросит все, оставшись со своим собственным лицом.

Итак, маска оказалась маскардом.

Кончился детство.

Телее долгое детство.

Еще самого себя Кирылла то воображал, то видел в зеркале таким, каким был на се-

мом деле, то зеркалом для всех других персонажей повести могли быть только глаза и только сознание Кирилла. Все вокруг так выражено во всматривании в окружающих, а мысль его сливается с мыслями и обживает настоящие лица.

Вну надоедт этот маскард, эта игра. Но как бороться до главного в человеке, до его сути? Это трудно.

Мысль героя была как исследовательский «шур». А узнанный критик с раздвоенным писательством этого героя, о товарищах. Разве в беседах главнее?

Да, слов у Кирилла мало. Зачастую он вообще не находит нужных слов — автор отлично видит сегодняшний уровень Кирилла и не приукрашивает его. Но автор постоянно подчеркивает, как пристально всматривается Кирилл в жизнь студентов и в жизнь шахтеров-работяг, всматриваясь мысленно, познавая отдельных людей и через них жанра.

Осознавая себя участником японского маскарда, Кирилл мучительно пытается выйти из него. Но пока студенты здесь, а студенты в одной комнате обитали. Кириллу очень трудно «выйти на игровую». И он подмывает другим-студентам. И сам страдает от этого. «Все не настоящее... дурачат Кирилла... И не стоит пытаться приспособиться... Не получается это и хорошо. Получилось бы — то совсем плохо... Теперь я свободен. Ничего мне не мешает. Займусь я делом. Давно пора. А то один намерения, ну кнуты плахи... Жить пора!»

Но не так просто, не сила, не красота, не герои отключают Кирилла, а вот это его характер, тяжелый и серьезный, пропущенная жажда вместо подготовки к делу заученная, пошлость, стремление увидеть и познать себе и других, найти себя в вероке масок — и жить.

Кириллу дано в конце концов почувствовать себя своим, вот в чем «секрет» его эволюции («секрет» для тех критиков, которые не заметили в герое никаких перемен на протяжении всей повести: «Каким пришел, таким ушел, ай-ай-ай!»).

Конечно, Кирилл приукрашивает и при противопоставляет учебу жизни. Учеба нужна, и об этом ему скажет еще шахтер Коля. Но Кирилл прав для себя: он ощутил внутреннюю потребность ускорить процесс с детства, нашла свой путь к этой цели, а вышедшая из детства самость, выходящая в зрелость, не искала его искренности и чуждыности. Но искал он искренности и чуждыности.

Вот один из студентов, Виталик, вместо всяких липких слов сказал Кириллу на прощание, перед отъездом студентам в Ленинград.

«— Я виноват перед тобой, väninn...»

Кирилл удивился: какое хорошее у него лицо, искреннее и грустное. Как это он не замечал этого раньше?..

Равные Кирилл, впрочем, тоже замечал грустные лица, например, у Мишки — когда Мишка брылся за гитару, «играть он, волюшки, не устал, но грустное лицо у него получалось». Мысль всегда была в центре внимания, а с Виталиком «никто не считается, он всегда на отшибе». Но произошла перемена чуждыности. Кирилл научился видеть человека и у себя, как он мог же видеть Виталика равным...

Итак, студенты уехали. Кирилл остался в городе один. С Валей. С шахтерами.

И «все это и работа и история Валей — чуждая история, пошлый быт». Он был счастлив. И не то чтобы все это начинало наскучивать и угнетать его... Просто заграничный день был уже настолько известен ему, на-

стояло он был уверен в нем, что, быть может, переставал думать сегодняшний...

Так вместе со второй частью в повести возникла новая тема. Если до сих пор Кирилл искал себя в пространстве, под кором своих и чужих масок, то сейчас пришла пора познать, познать времени. И поэтому вторая часть — «Травы и небо» — можно назвать иначе и, пожалуй, точнее: «Человек во времени».

Цену времени определяет обитание.

Кирилл не особенно ценил день сегодняшний, потому что предвещал его повторение в две заготовки. Но вдруг пришла повесть из военкомата. Надо уходить в армию. «Чуть все вывадились и уходить». Сразу появилось обостренное чувство сегодняшнего дня: ведь в нем воплощены все преддуги дня его жизни здесь. И особенно остро переживал Кирилл последний день в шахтерском, с Валей.

А вот критик, не ведая, в чем бы еще упрекнуть повесть, осудил автора за эти сильные переживания Кирилла. Он усмотрел не обечение героя ценности времени, а дискредитацию «призыва в армию». Как же, а! Плечу!

«Что мне расстается! Прощаются!»

Смысл всех «собойств» в том, чтобы дать понять герою, что такое время и как его надо ценить.

Кирилл уже почувствовал значение времени. Но еще спекулировал этому знанию. Вот он пришел к Коле в больницу и говорит ему: «Мы еще вместе поработаем, когда я вернусь».

Кирилл говорит так, будто три года — время армейской службы — один день или неделя. Но Коля хорошо знает этот времен. Он предвещает Кириллу, что тот уже не вернется сюда, надо учиться.

А Кирилл все еще не желает признавать значение лет и секунд. «Жаркий длинный», — говорит он, правда, уже неуверенно. И слышит окончательное объяснение от Коли-шахтера: «Не говори «длинный». Это ты не знаешь еще. Мелькает — и нет ее. Это только каждый день длинный, а жизнь — пустака, глазом не моргнешь».

Кирилл не нашел, что ответить.

Он понял, признал.

И тогда наконец-то объединился в его сознании «мир микроновый и мир вечный, мир ничтожный и мир бесконечный».

Еще человек хочет увидеть жизнь иначе, он сегодня должен жить иначе. Так, как он хочет жить завтра.

Человек должен быть самим собой.

Только в этом смысле его сегодняшний день может быть настоящим.

Это понял Кирилл Капустин, пошел с опозданием, потому что в последний день перед уходом в армию он совершенно потерялся и отравил этот важный день себе и главному, Вале. Но тут неожиданно ему помогло.

«— Яняется завтра, в это же время. А пока я свободен», — сказала в военкомате.

Так у Кирилла и Вале появилась еще одна действительная последняя день, и на этот раз они сумели его сделать настоящим.

Есть такой старинный у нас обычай: посядешь на дороге. Но сидеть там никогда, мы сидим не более минуты, для вида, для обаяния.

Вале и Кирилл сидели не для вида перед долгой дорогой зреть — они сидели целыми днями. Будто тщательно и точно сверяли свои часы перед разлукой, чтобы не разнились при встрече через три года.

Жаль только, что именно этот день автор не сумел раскрыть «изнутри» — мысли Кирилла и Вале остаются неизвестным нам.

Ну, а теперь последние вопросы.

Могет ли повториться эта повесть молодости? Или первая книга — Веди теор повести то и дело наталкиваясь на зеркала и в них видит себя совсем не таким «красивым», каким хотел бы видеть. Это вызывает досаду и разочарование у него и у читателя. Юный читатель мечтает о героине со стройным, мужественным, ловким, небрежным и всемогущим! О героине, который такой, каким он хочет видеть себя.

Словом, юности не нужны героиня трехлетки. Да лет, мужика! Если, конечно, юный читатель хочет познать жизнь и самого себя. Такому читателю повесть Андрея Витова будет безусловно интересна.

На счету Витова уже десяток рассказов и две повести. На счету Витова обстоятельная дискуссия, всплывавшая на страницах «Литературной газеты» после того, как вышла первая его книга, «Большой шар». Дискуссия была короткой — три статьи трех известных критиков прозвучали, как три рывка в любительской боксе. Критик, выступивший с необоснованными обвинениями в адрес молодого писателя, был публично «новаторскими» редакторами и редакторами других издательств — им оказался читатель. Читатель всегда в выигрыше, когда критика говорит о таланте.

В рассказе из книги «Большой шар» Витов анализировал знаменитых психологов, переживаний и мыслей и впадне взрослого лица, ожидающего возвращения жены с работы, и мальчика, ожидающего на лестнице, когда же откроется дверь, и выйдет наконец взрослая девушка, и которую он влюблен... С молодыми героинями Витова мы не можем не спорить так же, как мы спорим с такими, как они, в жизни — горячо, неспирмиро! И главное — на равных...

В повести «Одна страна» Витов забывает лирику, описывая работу Витова Муромова на буровой вышке гле-то в Средней Азии. Здесь, под ярким солнцем, Витов ни к чему познания тонких и сложно заданных вещей. Зрелый человек, человек баваля порыва его — и он сам пишет теми же яркими, «броскими, пушистыми» красками. Здесь он хочет быть сданным и живописным, сложным и гротеску, и остроумию. Витов хотел бы передать в повести, как выливается, «подбит» тыльной и отравляющей психологией собственности, шкурничества, жестокой крутовой порухи. Этой главе противостоит описание работы на буровой, где отголоски рабочих чаров дышат инфомо честности и самоотверженности.

Да, краски в повести «Одна страна» куда ярче, чем в повести «Такое долгое детство». Еще бы, так как сам «предмет»: юные солнце, полевые халаты, зеленые дыны...

Ну, а если писатель любит о Крайнем Севере, Боркуте, ширинере? Неужели ему в угоду любителям «яркого» придется откатываться от тех серых красок, которыми только и можно правдиво написать северный пейзаж?

Мы любим яркое южное армянские пейзажи Сарьяна, но ведь любим мы и серую гамму северных русских пейзажей Нисского. Впрочем, каждый из нас одно любит больше, другое меньше.

Мне нравятся скромные краски повести «Такое долгое детство», но Андрей Витов в этой повести интересен прежде всего своей философией «процесса с детством». А философия вообще не возможна ни на материале, ни на «истории в последней инстанции».

Две книги молодого писателя Андрея Витова не выстраиваются в хронологическом порядке и еще не образуют «жизни», то есть не дают повод для глубокомысленных рассуждений о «шаге вперед» или «шаге назад». В каждой вещи Витов интересен по-новому, с удивительным знанием «детского» «масса», ироническим иронизмом и даже с иронией о себе самом. Но это не шаг вперед, это работа по ограничению таланта, это поиск собственного синтеза многообразия жизни — вот что главное в его сегодняшнем эстетическом освоении мира.

Арина вновь и вновь перечитывала у Платона описание стальной Атлантиды. «Прежде всего колоды воды, обгравившие город-матерь, снабдили они мостами и проплыли канал царского дворца. Устья их расширили настолько, что в него могли входить самые большие корабли. Вдоль же, на некоторой стои двадцати дровец обнесли они наменную стеною и везде при мостах на проходах и морю воздвигали башни и ворота. Канавы вырубали они кругом, в ровной, расположенной посредине. А вырубал камень, они создавали арсеналы: для плавания в море, для сарва сапалы. Изобретены они соорудили один прорыв, а другие пестры, перемешав для забавы болель, черные прорывы и давая им выказат естественную красоту.

И стеною оного крашеного аменного колоды обили они по всей окружности мреду... внутреннюю покрыли серебристым оловом, а стеною самого зирода по слоистой оловом, сверкавшим огненным блеском...

Царские же жилища внутри зирода было устроено так. В середине там был оставлен недоступным священным храм Нинто и Поседона с золотом о раско оконом — тот самый, в котором они некогда родили поколение десяти царевичей...

Давние храмы снаружи покрыли оны серебром, кроме омоничностей, которые покрыли золотом. Внутри представлялся зрению потолок слоистой мости, расщепленной серебром, золотом и олмазом. Воздвигли также внутри золотых куниргов — бога, что, стои в конюшней, правли шестью крылатыми Ионнами, а сам по громадности размеров касался темнею потолка, и вокруг него плывущих на дольфиках сто нерев.

Вся местность эта была, говорят, очень высокая и гористая, а в середине, в центре, была ограда, обвивавшая город и сама, в свою очередь, обитая кругом горами, спускающимися вплоть до края. Была гадава, писана и в целом имела продолговатую форму...

Всего было в оном городе напиль в честь разных богов, много также садов и гимназий — и для мужчин и особо для женщин. — на обоих тех южных островах и, между прочим, в середине наименьшего из островов был у них отличный гиподрум и гимназия, а в центре — олимпийский стадион для состязаний лошадей на всю округность. Оного него по обе стороны находились казармы для слуги. Гадава были наполнены кораблями и снабжены восталые всем нужным для морских снаряжений.

Перешедши из гадавы — а их было три — встречались еще стана, которая, начинаясь от входа, шла кругом, вставая на расстоянии пятидесяти стадиев от большого колоды и гадавы, и замыкала оный круг при входе в канал. Вдоль этой станы было пространство было густо застроено множеством домов, а водный проход и большая гадава были узкими и приоблаженными. В оном месте, которое в своей массе dense и ночь оглашалось шумом, шумом и смешанным шумом...

И это было обдумано Ариной. На стеме, рядом с первым вопросом, она припомала слово лисдон «Итак, 11 400 лет тому назад погибла Атлантида. Но сведения о ней вполне конкретны (как то: размеры в точных линейных единицах) мы получили от Платона, ссылающегося на египетские источники. Но для того, чтобы египтяне смогли бы сообщить эти точные данные — а перед нами рассказ очевидца, путешественника, возможно, военного разведчика, — они сами должны были иметь представление о системе измерений. Имелась ли такая система измерений в ту пору, а также лет назад? Нет! А тогда она появилась? И что, если Платон указал на Египет, а не на Атлантиду?

В тот же вечер Арина села за письмо капитану Ветрову.

Вспомогательные сведения о системе измерений были таковы: впервые в истории человечества до нашей эры во времена правления Фараона восемнадцатой династии Аменхотепа I, т. е. около 1500 года до нашей эры, появились сообщения о величине Ливийского моря, о величине небу, ибо у него не было еще системы мер. Ну и, решив не поднимать пока этот сложный вопрос, Арина решила вернуться к вопросу о единицах измерения: а тогда же в Египте появилась система измерений?

Ответ был таков: грамматика и система измерений были введены впервые в историю человечества до нашей эры во времена правления Фараона восемнадцатой династии Аменхотепа I, т. е. около 1500 года до нашей эры. В это время появились сообщения о величине Ливийского моря, о величине небу, ибо у него не было еще системы мер. Ну и, решив не поднимать пока этот сложный вопрос, Арина решила вернуться к вопросу о единицах измерения: а тогда же в Египте появилась система измерений?

Вспомогательные сведения о системе измерений были таковы: впервые в истории человечества до нашей эры во времена правления Фараона восемнадцатой династии Аменхотепа I, т. е. около 1500 года до нашей эры. В это время появились сообщения о величине Ливийского моря, о величине небу, ибо у него не было еще системы мер. Ну и, решив не поднимать пока этот сложный вопрос, Арина решила вернуться к вопросу о единицах измерения: а тогда же в Египте появилась система измерений?

Рисунок О. ВУКОВОЛА

стальных — книги из Исторической библиотеки, а собственные же поупили были уложены на полочники. Арина села писать по двум направлениям: она старалась прочесть все, что могла найти, об Атлантиде для того, чтобы, что немногое, что почерпнула она из диалогов Платона и легенд Ветрова, наполнить глубинной и содержанием, и в то же время она, заставив забыть себя про несоответствие в датировке, с огромным вниманием изучала Египет эпохи второго тысячелетия до нашей эры.

Ход мыслей ее был прост. Она была совершенно согласна с саисским морцом, утверждавшим, что именно в Египте лучше, чем в любой другой стране древности, сохраняются исторические сведения. А, кроме того, продолжая логическую линию рассуждений, пришедшую к ней и мысли о том, что Атлантида могла погибнуть именно во втором тысячелетии, она считала, что именно в этой эпохе нужно искать следы великой войны атлантов — греками и египтянами.

Искать нужно именно там, где есть темные пятна. Ведь официальная история, которую мы знаем о той эпохе. Искать надо не в учебниках и монографиях, где все ясно, где апробированы сотни перекрестных исследований, а в первоисточниках: в надписях храмов и памятниках, в папирусах — документах, которые пришли и нам из черных глубин истории. Вот тут-то и пригодится умение ее улавливать нерегламентированное письмо, умение, которое так подкрепляла в ней отец. Она почти свободно читала древние тексты, и ее не покидала радость и Удивление, когда она за мертвыми древними картинками-словами вдруг начинала видеть и ощущать живую историю, порой трагическую, порой обдуманную и малозначительную жизнь людей, таких далеких и таких близких нам.

Всё это время Арина жила в состоянии слабого сдерживаемого итерления. Она была уверена, что идет правильным путем. Но, если бы ее спросили, на чем основывается это убеждение, Арина ничего не смогла бы ответить. Она блуждала в потемках среди мрачных египетских храмов, спускающихся в долины шакт-галерей, год пирамиды властителей страны Та-Кент в поисках новых записей на ритуальных папирусах, шла сквозь туманные пустыни туд, где таинственные письма намывали древние камни — свидетели побед и поражений, отгресивших здесь в далекие эпохи.

Отпуски, который она вела после встречи с Ветровым, променявully незаметно. Никогда еще не возвращалась она на работу такой уставшей. Но азарт поиска уже не походил ее. Глубокой ночью в июне, когда знойная жара дня сменялась прохладой и мочной влагой аина в окна аромат цветов, Арина, забыв про оставшуюся нофу, читала надписи на филадельфийской гробнице венецианца Фараона восемнадцатой династии Аменхотепа I «начальника матросов Ликсоса». Она быстро набрасывала перевод текста на чуждый язык бумаги.

Почувствовав приназав мне на моих кораблях переправить войско на вторым порогам Нила и У. Повеителю, решил расширить Та-Кент на юг и отгеснить туземные племена. Я исполнил приказ. Повелитель сам направил войско, и уже первые три дня ознаменовались ослепительной победой, — часть которой на острове Урнорати была сделана надписи на скеле у Велиной реки. Однако из Делты пришли грозные известия: на Ливии вторглись войско неизвестных народов, и повелитель погнаул войско. Мы выжили назад в Фави, сиольно было сил у гробцов. На кораблях погибло триста тридцать паров у весел, и я послал на помощь только одну лодку. Мы пришли в Та-Кент сухими — так еще нинто не плавал. А назавтра повелитель приказал мне направит морскими в Делту...

Здесь надписи обрывались. Арина подошла к окошку, стиснула голову ладонями. Там ли? Это ли? Неужели найдена наконец тоненькая ниточка? Но тогда был этот поход Аменхотепа на вторые пороги Нила? Хроника молчала. Опять та же расплывчатая дата: второе тысячелетие... Впрочем, нет. Ведь историк-манфрон оставил аиную копию составленную хронологию правления Аменхотепа I «начальника матросов Ликсоса». Аминхотепа I правил с 1560 года до нашей эры. Значит... Арина погнала головой. Ничего это не значит. Это значит только одно: надо искать, снова и снова искать.

Шли дни, недели. Арина искала тут надписи на камне, что была высечена, по словам Жюльена, на острове Урнорати, а вместо нее нашла новую надгробную надпись в тех же Оинах, связанную с гробницею другого Ликсоса, планоудца Ликсос-Пен-Нет... Это было... Арина читала, испытывая чувство встречи со старыми знакомыми. Это был тот самый Ликсос, военный помощник Фараона, который продал с ним все это камушки, поддвер...

шился сначала вверх по Нику, а затем промчался вниз, в Дельту.

Да, враг был грозен. Лазутини доносили, что святаи пограничные походы на побережья страны, из Ливии вторглись несметные войскои мониди, колесницы, пехота. Войска фараона, построивши в три боевые колонны, выступили навстречу врагу, но... того и след простыл. Даме хвастливый Язмос не мог скрыть изумления перед этим непонятным фактом: почему могучий противник столь внезапно и быстро покинул пределы Египта? Это была очень странная кампания...

И почти сразу же, через три дня, Арина вышла на берег. В ней не было ничего нового: сообщало о первом победном Аменхотепа, но было что-то так страшно искала Арина... да. Надпись была датирована восьмью годами правления фараона. То есть 1552 годом до нашей эры.

«Нет сомнений», — продолжила Арина письмо капитану, — что заставило Аменхотепа броситься в Дельту. В «Истории» говорится: «Город взял Обудан некогда силой, дерзостно направившись разлом на всю Европу и на Азию со стороны Атлантического моря». Возникает вопрос: почему же атланты не привели боя, поспешно вернувшись в пределы Ливии, которая, как явствует из сообщения Арины, была частью заморских владений Атлантиды? Ответ совершенно ясен: ведь в том же «Истории» определенно сказано, что главное сокровище находилось в Европе между предками Солона — эллинами — и атлантами, которые и потеряли свои владения в преддверии Египта. И тут, не дожда до азиатской части войско ивеноно тогда, когда оно вторглось в пределы Египта, атланты решили, вожди атлантов уклонились от встречи с армией фараона!

Все, конечно, становится на свои места и ведет к определенной выводу: Платон оказался в датированной надписи, примерно около 1500 года до нашей эры, когда та же Греция была уже довольно высокоорганизованным государством.

Вывод, как видите, многообещающий и чрезвычайно заманчивый. Такой заманчивый, что ему страшно вернуть. Ведь если это так, то снимается одно из основных возражений наших оппонентов.

Однако, зная оппонентов как людей чрезвычайно недоверчивых, я продолжила искать подтверждения и, наконец, кое-что отыскала. В «Критике» есть абзац, на который я и начала долго ссылаться в письме, так как он касался описания греческого государства и древнейших Афин: «Город же столичный вот как в то время был расположен... И во-первых, самый акрополь был тогда совсем не тем, что ныне, потому что тогда произошло вместе с землетрясением страшное наводнение... третья перед истреблением людей при Демоклеоне... — то чрезвычайный ивеноно в одну-единственную ночь сие с акрополя кругом всю землю и сделал его совсем голым...»

Я хорошо помню, что слышала или читала об этом «Демоклеоне». Но где и когда? Долго искать не пришлось у Манефона, в изложении истории Египта этого ученого ивеноно христианскими хрониками Юлием Африканом: «Шестым правил Мисфратифусом 26 лет, почти с летца Демоклеона. В учебнике древняя история отсылались хронологи правления египетских фараонов. Знаю, что Мисфратифусом — это было тронное имя фараона Аменхотепа II, уже неглубоко определить даты его правления: с 1491 по 1466 годы до нашей эры. А поход Аменхотепа I в Дельту и несостоявшийся столкновение с атлантами — 1552 год. Это же время — вероятное поражение атлантов от греков. Далеко снова сдвигательство Платона «по канонам» олова наступавших врагов, торжествовало победу над ними... Воследствии же, когда происходила страшная землетрясение и наводнение, в один день и в одну безвостную ночь вся наша вонская сила (имеется в виду греческая) Атлантида исчез, провалившись в море...»

Значит, Атлантида погибла в период между 1552 и 1491 годами до нашей эры. Но когда именно? Ответ нашлся в истории Египта. В этот период — после смерти Аменхотепа I, Тутоса I, Тутоса III и после смерти Аменхотепа II, искала загадку истории во время правления этих фараонов и почти не удивилась, найдя ее. Я была уже подготовлена к подобной встрече.

Загадка заключалась в том, что все четверица — да, походы фараона-завоевателя, Тутоса III хорошо описаны на стенах его гробницы и в папирусах Ливийских писцов фараона Меропа, но не упоминались о четвертом походе Тутоса. Про-

сто в систематическом описании всех походов третьего поколения сразу свинисся пятком.

Третий поход состоялся в 1501 году до нашей эры, в пятый раз, в 1469 году.

Мне удалось перевести последний из известных текстов писца фараона Тутоса III. Он был зашифрован ивеноно. Вот что там было: «Великий Дом (одно из имен фараона) затронул говорить ивеноно и влюбился в женщину, в которую тайном свитом, я только раз нарушу ввеноно запрет. Ввеноно свитоме должны знатно...»

И через год после победоносного третьего похода, лишь только закончился период весенних дождей, ввеноно в Великий Дом... Грозные изменения остановились непоколебимо на ввеноно ступе. Небо пылало огнем и ввеноно пелен падала на головы ввеноно. Согорлагас. Ввеноно прине страшные сообщеи с берегов ввеноно. Ввеноно ввеноно со всей успешностью повинуру ввеноно и возвращеи в ввеноно.

В ввеноно свои места. Иврец Тамини подтвердил то, о чем еще раньше рассказали два Ях... ввеноно, что в ввеноно ввеноно того, он почти точно дал мне в ввеноно дату великой катастрофы, которая поглотила Атлантиду: — следующий год, после третьего похода — значит, в 1500 году, после весенних дождей — значит, в ввеноно.

Вот, дорогой капитан, то, что я смогла сказать. Может быть, это и ввеноно, но и по-прежнему оставлю. Нет ли кого-нибудь из ваших знакомых ученыхного ивеноно насчет даты гибели Атлантиды, а то мне так страшно, что не могу не сказать Платону. Если бы же еще кто подтвердил: Это была бы победа...»

ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ!

Арина получает ответ капитана Ветрова. Дата гибели Атлантиды — 1492 год. 11 Мулуз, 12 Си и 13 Чун. Разговор с профессором Лоскутовым — знала фараон Сигов.

«Дорогая Арина! Ваше письмо ввеноно ввеноно трижды. Во-первых, откровенно говоря, я не очень рассчитывала на Вашу помощь и ввеноно от своей работы, проведенной Вами. Во-вторых, не ввеноно ввеноно ввеноно «фараон Сигов». И понаслышке знаю о профессоре Сигове. Это ивеноно математик, время от времени доставляющий своим коллегам столько неприятных минут своими сенсационными сообщениями, что больше не хочется ивеноно и человек весьма разносторонний, порой совершенно неожиданным знаниями. Но математик — наука точная, и вряд ли профессор Сигов способен туманная атлантидология. К тому же, откровенно признаюсь, я не ввеноно ввеноно по поводу ивеноно, что он для профессора и доктора физико-математических наук Сиговым. Тогда мне ои? Не удалось ли Вам что-нибудь узнать о нем самом и о том, в каком направлении он ведет поиски Атлантиды?»

И третье, что ввеноно ивеноно и ввеноно даме рассердилась в Вашем письме, — это попытка ревизовать Платона. Я прочитала это легкомысленным дилетанством, но был весьма остро опровергнут в своем ввеноно. И хотя я до сих пор не могу вполне точно объяснить, непонятную ввеноно, и ввеноно не совмещалась, что она неглубоко датировала гибель Атлантиды, тем не ввеноно Вы доказали мне это неоспоримо, и со своей стороны я дам Вам подтверждение, о котором Вы мечтаете.

Во-первых, Валерий Брюсов в своей работе «Учители учителя» доискивается, что Атлантида могла погибнуть в V—VIII тысячелетии до нашей эры. Во-вторых, советский географ Ермаков на основании данных исследований выделена осадком марганца в устьях северных рек — 3—5 тысяч лет назад (то есть, по крайней мере, в выводу, что он для профессора и доктора физико-математических наук Сиговым. Тогда мне ои? Не удалось ли Вам что-нибудь узнать о нем самом и о том, в каком направлении он ведет поиски Атлантиды?»

И третье, что ввеноно ивеноно и ввеноно даме рассердилась в Вашем письме, — это попытка ревизовать Платона. Я прочитала это легкомысленным дилетанством, но был весьма остро опровергнут в своем ввеноно. И хотя я до сих пор не могу вполне точно объяснить, непонятную ввеноно, и ввеноно не совмещалась, что она неглубоко датировала гибель Атлантиды, тем не ввеноно Вы доказали мне это неоспоримо, и со своей стороны я дам Вам подтверждение, о котором Вы мечтаете.

Во-первых, Валерий Брюсов в своей работе «Учители учителя» доискивается, что Атлантида могла погибнуть в V—VIII тысячелетии до нашей эры. Во-вторых, советский географ Ермаков на основании данных исследований выделена осадком марганца в устьях северных рек — 3—5 тысяч лет назад (то есть, по крайней мере, в выводу, что он для профессора и доктора физико-математических наук Сиговым. Тогда мне ои? Не удалось ли Вам что-нибудь узнать о нем самом и о том, в каком направлении он ведет поиски Атлантиды?»

И третье, что ввеноно ивеноно и ввеноно даме рассердилась в Вашем письме, — это попытка ревизовать Платона. Я прочитала это легкомысленным дилетанством, но был весьма остро опровергнут в своем ввеноно. И хотя я до сих пор не могу вполне точно объяснить, непонятную ввеноно, и ввеноно не совмещалась, что она неглубоко датировала гибель Атлантиды, тем не ввеноно Вы доказали мне это неоспоримо, и со своей стороны я дам Вам подтверждение, о котором Вы мечтаете.

КООРДИНАТЫ МЕЧТЫ

«Гонец в море. Капитан Ветров получает телеграмму. Возвращение или побег? Ветров отвечает: «Я хотел бы вернуться. Но не исходить Атлантиду?»

Непродолжительно гладкая поверхность океана давно отделила от берегов причудливый причудливый бесконечный понос. Там не было четких линий, там все было призрачным, непостоянным. Глади на море было трудно, потому что вода могла быть черной, белой, бурной, зеленой, желтой. Удивительно было слышать, что вода могла быть черной, белой, бурной, зеленой, желтой. Удивительно было слышать, что вода могла быть черной, белой, бурной, зеленой, желтой.

Ветров воспринял понос как попятную. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная.

Ветров воспринял понос как попятную. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная.

Ветров воспринял понос как попятную. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная.

Ветров воспринял понос как попятную. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная.

Ветров воспринял понос как попятную. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная.

Ветров воспринял понос как попятную. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная. Он был уверен, что это была не попятная, а попятная.

море морские звезды с тонкими известковыми лучами.

А что это белеет в выбоинах дна? — раздался голос попутчика за спиной Ветрова.

«Теперь, — сказал, — ничего интересного, — рассеянно отозвался Ветров, нажимая на клавиши. Вон зрелище странное: темнота, а в темноте — ослепительный градус. Но картина осталась той же.

«Атлантида? — спросил Ветров. — Координаты вы совершенно бесмысленны.

Ветров передвинул управление «Креветки» по направлению тона редких атласов, и глаза бросились на рисунок человека, выходящего из лодки. Рядом с занесенной знакомому капитану сотруженной посылкой. На столе, рядом с атласом, лежала тетрадь с записями. Ветров взял тетрадь и начал читать. Он начал читать. Он начал читать.

«...Жену поделится с Вами мемуарными сообщениями, которые, надеюсь, помогут Вам изобрести...»

«...Жену поделится с Вами мемуарными сообщениями, которые, надеюсь, помогут Вам изобрести...»

«...Жену поделится с Вами мемуарными сообщениями, которые, надеюсь, помогут Вам изобрести...»

«...Жену поделится с Вами мемуарными сообщениями, которые, надеюсь, помогут Вам изобрести...»

«...Жену поделится с Вами мемуарными сообщениями, которые, надеюсь, помогут Вам изобрести...»

«...Жену поделится с Вами мемуарными сообщениями, которые, надеюсь, помогут Вам изобрести...»

именно — пятсот二十七ой! Ошибки быть не могло. Но что это — не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

«Ты же? — спросил Ветров. — Ответ даба, та же карта из атласа Птоломея. Видно, что это не аномалия, а в обнаружении не было предостережения, что в те времена уровень мирового океана был на пятисот метров ниже.

С П Е С О В И Е А В Т О Р В

Зачем повесть «Ищу Атлантиду». И у читателя возникает сомнение: что тут не фантастика, вымысел или есть какой-то большой провал, который лег в основу повести. И еще: почему у нас нет обычного в таких случаях подзаголовка «научно-фантастическая»?

Всегда сразу ясно. Хотят или не хотят того миловеры, но наука атлантологи существует. И существует она много лет. На одно государство — СССР — приходится почти половина атлантологов. И это — не только в области исследования Атлантиды, но и в области исследования Атлантиды. И это — не только в области исследования Атлантиды, но и в области исследования Атлантиды.

В наши дни многие журналы и газеты помещают материалы с различных сторон исследования этой великой неизвестности. Вспомните, насколько основой для написания настоящей повести? Обстоятельно рассмотрены вопросы современной атлантологии в книге Е. Андреевой «В поисках материнского мира», написанной для юношества. Более подробно и глубоко, более широко эти же вопросы освещены в книге Ю. Орбучева «Берег, Босфор и Атлантида».

и легла в основу содержания повести. Работа Н. А. Ледева «Открытие Атлантиды» еще не опубликована. Но, как и любая пилотаж, она имеет право на существование и обсуждение.

Авторы повесть много беседовали о проблемах атлантологии с работниками Института океанологии АН СССР. Ветров (имя, конечно, вымышленное) пока еще не находит на своем «канале» по координации персонал авторов фотографии сия океана, озеленяющую им в районе Зеленомысской глыбы. Что запечатлела на ней фотопланир, не может объяснить никто в институте. В самом деле, что это? Ветров, конечно, не мог видеть владов надежды, мечты и поиска.

«Гонец» — радист прототипа Ветрова. Срочно проведете Свему дна океана в районе мыса Зеленомысской глыбы. Не желая успеха. Директор Института океанологии Лидия профессор Снегов, Арника Петерсен.

«Товарищ» — негритяно-прогноза Ветров сменяющаяся из времени голосом. Не выкала Большая честь — начать поиски Атлантиды...

Вспомните, насколько основой для написания настоящей повести? Обстоятельно рассмотрены вопросы современной атлантологии в книге Е. Андреевой «В поисках материнского мира», написанной для юношества.

Более подробно и глубоко, более широко эти же вопросы освещены в книге Ю. Орбучева «Берег, Босфор и Атлантида».

«Товарищ» — негритяно-прогноза Ветров сменяющаяся из времени голосом. Не выкала Большая честь — начать поиски Атлантиды...

Л Е Т Н И Й З А Г А Р

Дорога редакция! Мы живем на севере, в Архангельской области. А этим летом мы, несколько людей, решили пойти во время отпуска к Черному морю. Посетовать мы как положено загорать, чтобы не пересохло, чтобы не было ожогов.

Майя СЕЛИВАНОВА,
Гали ЧЕТВЕРИКОВА и др.
На этот вопрос отвечает врач-косметолог М. Г. Полярникова.

— Июль — мажущая лета — самый жаркий и солнечный месяц. Настало время летних отпусков, когда люди живут, помня постоянно, что «солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья». Но некоторые начинают злоупотреблять этими дарами природы, принося себе не пользу, а вред. Нам же следует пользоваться воздушными и солнечными ваннами?

Целебное действие солнечных лучей несомненно и для всего организма в целом, в частности, для кожи. Однако длительное пребывание на солнце может вызвать ожог. А ожоги от перегрева могут повлечь общие недомогания, головная боль, температура. Разные люди по-разному реагируют на солнечные ванны. То, что полезно одному, оказывается вредным для другого. Солнечные ванны полезны людям с жирной кожей, страдающим угрями и прыщами. Солнце действует как лекарство при быстро сходящих волосах, но хуже переносится при сухой коже. Это объясняется тем, что под влиянием солнечного света она высыхает: теряет влагу, которая является главным условием нежности и упругости кожи. Поэтому людям с сухой кожей можно загорать на солнце не следует. Не следует подвергать действию солнца недавно стриженные волосы, в особенности обесцвеченные волосы. Они становятся хрупкими, ломаются и секутся. Нужно помнить, что солнечный свет при слишком усердном процессе поседения волос. Принимая солнечные ванны, нужно пользоваться головным убором. Шапка из соломы хорошо пропускает воздух и прекрасно защищает волосы от солнечных лучей. Можно покрывать голову и巾ной или льняной легкой светлой материей, но не из капрона, силона или нейлона, так как эти ткани мешают свободному доступу воздуха и к коже головы и волосам, задерживают испарение пота. Солнечные ванны нельзя принимать натощак, а также сразу после еды. Минимумое время для солнечных ванн в средней полосе Советского Союза — от 9 до 12 часов и от 16 до 18 часов, а на юге — от 8 до 12 и от 17 до 19. В это время больше всего садятся ультрафиолетовые лучи. В горах, у воды, особенно у моря, эти лучи больше, поэтому солнце здесь действует сильнее, и пользоваться им надо осторожнее. Солнечные ванны можно принимать и под тентом, куда тоже проникают солнечные лучи. Приучать организм и кожу к солнцу нужно постепенно, равномерно обучая все части тела. Во время солнечных ванн нужно поворачиваться с боку на бок, на спину и живот. В первый день следует загорать по 5 минут, а потом продвигать длительность пребывания на солнце ежедневно увеличивая на одну-две минуты. Загорать лучше в движении, прогуливаясь по пляжу или играя в мяч. Надо помнить, что кожа на носу, на лбу, щеках, плечах и бедрах более чувствительна и солнечному свету. Особую осторожность должны соблюдать блондины и рыжие, особенно, так как у них кожа нежнее и более чувствительна и солнечным лучам.

Тем, у кого кожа сухая, полезно перед солнечной ванной слегка смазать камилли-льозом растительным маслом, подсолнечным, оливковым или персиковым. Еще лучше пользоваться смесью этих масел. Масла предпочитают жирной и сухой коже, особенно блондинам и рыжим.

Нужно помнить, что солнечные ванны лучше принимать до заката, чем после. Солнечные ванны лучше распределяются на море. Кроме того, от сжаривания кремом кожа сильнее увлажняется. При употреблении мажи этого не пренебрегать.

От солнца необходимо защищать глаза темными очками, а если вы ложитесь на пляже, то зелеными, светлыми листиками. Кожу вокруг глаз можно смазать предрозариальным кремом.

Вобщем же, если кожа на лице сухая и склонна к сморщиванию, солнечные ванны нужно принимать только под тентом. Не следует ходить на солнце и тем, у кого на лице имеются так называемые милиумы, и людям, страдающим от красной кожи, или тем, у кого лицо быстро краснеет. Людям на пляже, нуно лицо закрывать от солнца платком, платочком. Еще лучше защитить кожу лица специальными средствами. Слои пледы лучше расшить с добавлением одной четверти части химия помогут защитить кожу от света солнца. Более надежным является состав из четырех частей талька, семи с половиной частей эфира, семи с половиной частей коллоидия и двадцати частей спирта. Мировые смазывают кожу два раза, через одну-две минуты. Образованная прозрачная пленка на поверхности кожи сохраняется в течение 4—7 часов. Этот состав можно пользоваться и тем людям, которые по роду своих занятий долгие много находится на солнце.

Перед солнечными ваннами нельзя умываться с мылом, протирать кожу одеколоном. Это может усилить действие солнца и способствовать ожогу кожи.

Во время солнечных ванн не употребляйте алкоголь и специи. Если вы не хотите загорать или боитесь, что выступят веснушки или прыщи, носите дым широкими шляпками, кепками с козырьками, либо привяжите голову платком так, чтобы тень от него падала на лицо. Перед выходом из пляжа сканю не пригубивайте лица темной пудрой. Если это можете смочить любую пудру ирегием. Настоящее, а затем просушить ее. Таким, ивещностями, как, помните вам защитить кожу от солнца. Защитными свойствами обладают: витамин Е, пантотин, «Березовая амальсия», «Лун», «Приз». Хорошо защищает кожу цинковая мази.

В течение многих лет я являюсь подпаском («Смеш») по разу не встречая на страницах «Шахмат. А ведь эта игра, так же как и шахматы, способствует развитию внимания и памяти, требует от участников усиленной гимнастики

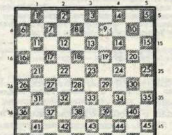
ума, изобретательности и сообразительности. Наполняя шахматное воспитание выходящим шахматиста Э. Ласкера: «Шахматная игра — мать шахматной, и достойная мать». К. Киров.

В. МЕГАНОВ

СТОКЛЕТОЧНЫЕ ШАШКИ

Выполняя просьбу читателя В. Меганова, мы предоставляем слово заслуженному мира В. Купцову. Он известен как мастер спорта Ю. Баранков, которые рассказали о стоклеточных шахмат.

Стоклеточные шахмат отличаются величиной доски (10х10), числом шахмат (20-20) и тремя правилами. Номинация для залис партий — цифровая.

Все поля доски пронумерованы, номер диктуются по ходу начинается от лагери черных, то есть перед началом игры черные шахмат расставляются на полях 1, 2, 3, 20, а белые на 31, 32, 33... 50.

Поля 42 записываются так: 32—28 (шахмат с поля 32 пошла на 28) или 18—23 (шахмат с поля 18 пошла на 23). При взятии вместо тень ставится действительный противника. Все они касаются ударной ходов (ходов с взятием).

Первое правило относится к случаю, когда образуется несколько возможностей взятия: всегда обязательно взятие так, чтобы с доски снималось наибольшее число шахмат противника.

Это правило называется «правилом большинства».

Ход белые. Выигрыш.

Разве можно тут выиграть? Ведь черная шахмат 45 сейчас stanno дамы, а белая так го-ворится, что не даму, быть бы изобретательнее выиграть? Белье успевают подготовить небольшой «скрипчик», основанный на правиле большинства: 44—40. Черные отвечают «45—50». «Выиграю я или нет — не знаю, но мне нравится». Черные печеначи,— полагают соперник. Но первый взгляд они правы. Ведь черная дама нашла на шахмат 33. Если захватится 43, то останется 39—43 и черные 25—30 с выигрышем. Если же уйти 33, то черные ответят «50—28», и удер-живав большую дорогу, заместит белых искать счастья. Ответ неожиданный: 34—30! Шахмат 33 оставлен под ударом, но могут ли черные ее быть? Нет! По правилу большинства они обязаны взятие так, чтобы снималось наибольшее количество шахмат, то есть они вынуждены ходить 32—45. А черные ответят: 43—39, внося полную потерю в исход борьбы.

Второе правило: если против шахмат, совершая взятие, попадает на дамыное поле то брать она должна, и если простая, то она обязана это сделать, но остается простой шахматной (в даму не превращается).

Ход черных.

На диаграмме — позиция из партии М. Делорье — И. Купцов (Шахмат, август 1958 г.). Одаренный молодец чернор разставил лунную ту. Вы выигрете одну из лунных, то воняющую «под ценитую», в которую находилась противник. Последний ход белых был 37—32! На первый взгляд черным следует ответить «23—28». Ведь мы белые ни вдали, ни не играем. Но черные следуют 33—28 ошибочной, противывающей партии: белые ответили бы 33—22! и шахмат 17 пришло бы взять путем 17:28:37:48:39 и остается при этом простоя.

А тогда: 40—34:39:30 (ведь черная шахмат осталась простой!) 35:4 и белые выиграли: белые матч зот замке был разгадан, и черные правильно сыграли ...17—21.

Третье правило: если против шахмат, совершая взятие, попадает на дамыное поле и дальше брать как простая шахмат, она должна перейти в даму и устанавливается. Эта дамка получает «дамыные права» только после взятия противника.

Ход черных.

Эта позиция встретилась в партии М. Делорье — А. Вьюк. Черные провали здесь, не имея данный удар, сыграв «24—30! Белье обязаны взятие больше, чем в этот раз, и выиграть. Но что дальше? Превращается ли эта шахмат в даму и будет ли она сразу шахмат 11 и 2? Нет, шахмат должна сначала превратиться в даму, а она превращается в даму и установлена является, а дамыное права, получает после взятия противника.

В партии и вслед за 35:2 последовал эффективный ответ...29—31!! Итак, ответный ход сделан, и белая дамка с этого момента а получила свои права. Белье вынуждены были взятие 2:27, и черные совершили удивительно точный протвник на...33:35, приобретая лишнюю шахмат.

Из разобранных примеров видно, что отнюдь не правила обогащают стоклеточные шахмат, помогают создавать красивые, неожиданные комбинации.

... МОЛОДЫЕ ПОЙДУТ ВПЕРЕДИ!

Н. КОЛЕСНИКОВА

В июле по пути в Алжир 300 японских делегатов на IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов встретятся в Иркутске с советской молодежью на первом советско-японском фестивале. Этот очерк рассказывает о том, как живет и трудится сегодня японская молодежь.

В пропеченном тумане, который, словно грязный, серый полог, висит над Токио, горят огни рекламы. На наш европейский взгляд этот орнамент иероглифов, сверкающих в небе, выглядит фантастически загадочно.

Однажды совершенно случайно мы открыли, как делаются рекламы.

За рулем небольшой открытой машины сидела девушка в белых брючках, на европейский лад причесанная, с круглыми не по-японски глазами.

Хорошенькую девушку в хорошеньком автомобильчике снимали два озабоченных фотографа. Через некоторое время, подумали мы, круглоглазое личико Теруко Ямада — так звали девушку — в изысканной машине на фоне великолепных современных зданий появится в каком-нибудь рекламном автомобильном проспекте. И шикарные дамы, увидев это фото, бросятся покупать именно такие маленькие автомобильчики.

Но не верьте рекламе. Этот автомобильчик — такое

же дитя «большого бизнеса», как манекенщица Теруко Ямада — богатая дама.

Просто двое влюбленных в технику парней-самоучек, перекроив старую-престарую бросовую автомашину, сконструировали эту единственную в своем роде модель. Теперь перед ними стоит задача разгадать удачливых конструкторов и... выгодно продать патент на свое детище.

Кто знает, может, ребята и повесят. Тогда и их контора зажжет своей рекламой иероглиф, если и не здесь, в квартале Маруноучи, где сосредоточена четверть всей суммы японского капитала, то где-нибудь на окраине, в лагуне узеньких улиц. Эти юные «бизнесмены» — пасынки «большого бизнеса».

...Длинный коридор из автоматов для игры в шарик. Под лязганье железных рычагов незаметно летят минуты, часы. «Железный бандаж» — с оттенком страха и презрения говорят взрослые об этой американской игре. Можно просто так весь вечер, тупо гоня шарик по лабиринту, — удо-

Алжиром драконами они говорят «Нет!».

Молодой рабочий. Так и у нас «солнечна» его жизнь?

«Иди со мной!» — призывает японского юношу герой очередного американского боевика — профессиональный пацан и убийца. Куда пойдет этот парень?

вольствие стоит гроши, а действует, как дурман.

А за углом — кинотеатр, где идут американские рево и самурайские боевики. А чуть дальше — бар и ночной клуб; из-за стеклянной двери зазвонно улыбаются в полумраке девушка в ярком kimono...

Кацую Яномото — парнишка с узенькой улички кзади вокзала Синдзюку. Кацую работает на стройке. Вечером меняет голубые резиновые шлепанцы на черные полуботинки, надевает узкие джинсы, наносывает свои жесткие черные волосы на лоб и выходит пройтись.

Идет вразвалку, руки в карманы, поглядывает на витрины. Рядом с Кацую — Теруми, девчонка в длинной, ниже колен, и узкой юбке — так принято у токийских стилет. Денег зашит на билеты в кино или на рюмку сакаэ и порцию жареной рыбы, да можно еще постоять у автомата, погонять шарик. Станут ли Кацую и Теруми счастливые, выиграв в шарик пятьдесят иен, станет ли их жизнь богаче, если они наглядятся на самураев, которые режут друг друга кривыми мечами?

Вот Кацую протянул свою мозолистую ладонь старику хироманту, что сидит в темном закоулке у крошеного столика. Старик залез на століке свечу, разложил толстую замусоленную книгу, дрожащими пальцами парварилу страницу, тихо зашептал над ладонью клиента. До нас долетают отдельные слова: «дорога», «удача», «деньги».

Дорога, деньги — предвещают в семнадцать лет. А за спиной старика в темном закоулке еще полдюжины его коллег подмигивают клиентам. Слабые огоньки свечек послушно пляшут на ветру. Дорога, деньги, любовь — гадалочки емятся от холода...

Несколько лет назад в японской литературе и кино

«Дорога, деньги», — шепчет хиромант зачарованному подростку.

В Токийском университете.

мелькая термин «солнечная плавка». Так с легкой руки одного молодого писателя стали называть молодежь, идеями которой кончались мечтой о безделье, комфорте и элементарных удовольствиях, а отношения друг с другом отличались холодным садизмом.

— Это шельма, ничтожная часть общества — поклялся головой Кането Синдо, — не эти люди определяют лицо молодежи. Говорить о них неинтересно. Настало время говорить о могуществе, упорстве и справедливости Человека!

Шустрый, с худым, скуластым лицом режиссер Кането Синдо — нынче старый знакомый. Его «Дети Хиросимы» и «Голой остров» многие назвали ям о послевоенной Японии и японцах. Коллеги зовут Синдо «независимым». Этот эпитет не просто определяет черту ха-

рактера. Это — признание последовательности и самоотверженности в борьбе, которую ведет режиссер, оставая на экране свои взгляды.

Несколько лет назад мы прочли в японских очерках Ильи Эренбурга о склонности людей Страны восходящего солнца к поэтической созерцательности: «Я видел, как японцы, отнюдь не бездельники, сидели на татами и любовались сосной или картиной...»

Но нам показалось, что юному поколению японцев свойственно иное выражение стремления к искусству — более активное, более коллективное. Не случайно же так популярны стали в Токио «Огонек», «Кяюсю» и множество других музыкальных баров, где за чашкой кофе по вечерам молодежь поет хором песни разных народов.

...Позвонила Татие Миямото, студентка из университета Васэда: — Я буду знакомить вас и мои друзья, студенты. Это наш театр.

В университете пусто: кабинку. Но в большом лек-

Диржеры азарта. По взмаху руки такого диржера толпа, собравшаяся на стадионе, криком и свистом подбуживает игроков.

Паскмы «большого бизнеса».

Фото И. ГРИЦЕРА

ционном зале горит свет. Высокий серьезный юноша в очках встречает нас.

— Ооки — режиссер самодетальности, — представляется он и объясняет: — Мы репетуируем русского пьесу.

По традиции в Васэде, крупнейшем университете Токио, проводятся фестивали искусств. В этом году студенты-филологи сыграют спектакль на русском языке.

Артисты прыгают со сцены в зал, окружают нас. Строгий Ооки поглядел на часы и объявил перерыв.

— Я люблю Горького, — сказала Каме Яэко, — в прошлом году мы ставили «На дне», — кивает Ооки, — а тоже люблю Горького. Он мужествен и правдив.

Ооки — идейный вдохновитель студенческого театра. Он учится на филологическом, но его увлечения много шире университетской программы. Кроме того, он прекрасный организатор.

Это все нам рассказывает профессор Масао Маэурама. Воскресенье, но он пришел к студентам: есть много и необычных дел. Одно из них, общее и у студентов и у преподавателей, — подготовка к демонстрации.

Профессор говорит: — Да, да, студенты все поймут. И мы, педагоги. Я тоже. Мне шестдесят. Тяжело? Я пойду, пойду.

Маршрут не ближний — к центру города, а оттуда к порту. Американский атомный подводный лодки заедет в японские воды... Разве можно было жестоко оскорбить народ, который никогда не забудет трагедии, пережитой двадцать лет назад!

— Но ведь это, наверное, опасно, профессор! Могут быть стычки с полицией!

— Мы не можем терпеть. Ничего. Молодые пойдут вперед.

А потом театральные телеграфных агентов всего мира случили:

«Корреспондент агентства Франс Пресс передает из Токио. В результате широких демонстраций, проведенных в самом центре Токио крайне левой студенческой организацией «Дзингаурэн» в знак протеста против прибытия в порт Сасэбо американской ядерной подводной лодки, было ранено 49 человек.

Прибыл на место сбора, студенты организовали шествие, которое двигалось зигзагами по улицам (так называемый «танец змеи»). На машинах прибыла полиция, и между полицейскими и студентами произошли ожесточенные стычки. Студенты бросали в полицейских камни, и не удалось перевернуть несколько машин.

...Орнамент нероглифов горел, как всегда, над вечерними улицами. Над небоскремом редакции «Асахи» бежали огненные строчки: «Японская молодежь против войны! Студенческая борьба в разгаре».

лишь вы, душеприказчики мои,
мои эстампы, папки и полотна,
идите в будущее, в добрый час,
возникшие из-под музейной пыли,
откройте тем, кто будет после нас,
как мы боролись, гивели и любили,
что в грезе те, что нам живили дух,
до их сердец, пылая, долетели,
чтобы в веках ни разу не потух
живой и чистый пламень протемей!

Дм. КЕДРИН «Рембрандт».

РЕМБРАНДТ

Живопись — искусство сложное. Как, впрочем, и всякое другое искусство. Но у живописи есть свои особые сложности — речь идет о восприятии живописи.

Действительно, картина не роман, который нужно читать долго и внимательно, не симфония, которую мы воспринимаем ровно столько времени, сколько она исполняется. Занимательный сюжет, выразительные лица, красивые краски в картине — все это видит каждый и видит сразу. Но если бы при восприятии живописного произведения мы ограничивались только удовольствием от созерцания красивых красок или развлекательного сюжета, мы не смогли бы проникнуть в глубину его содержания, но именно содержание, передающее через художественную форму картины — ее композицию, цвет, ритм линий и т. д. — определяет ее достоинство, ее художественное качество.

Обычно, придя в музей, мы стремимся посмотреть все, что в нем представлено. Но мы получим гораздо больше, если время, затраченное на знакомство со всей картиной галереи, мы затратим на знакомство только с одной картиной. Дело в том, что, только поняв своеобразие языка, на котором говорит живопись — а это требует длительного времени, — мы сможем проникнуть в образный строй произведения и понять весь содержащийся в нем комплекс эстетических, философских, моральных, этических проблем.

В истории мирового искусства многие произведения вошли как признанные шедевры человеческого гения. К числу таких шедевров можно причислить и небольшое полотнище великого голландского художника XVII века Рембрандта ван Рейна «Ассур, Аман и Эсфирь». Его можно увидеть в одном из залов Государственного музея изобразительных

искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

Сюжет этой картины был взят Рембрандтом из Библии.

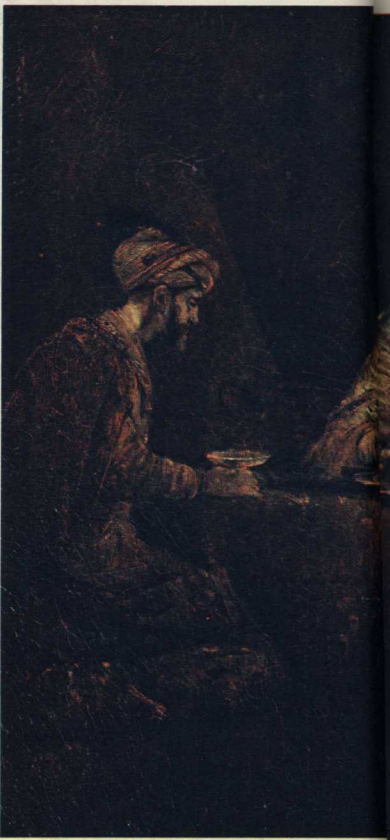
Во времена, когда Иудея находилась под властью персов, влизи персидского царя Ассур, честолюбивый и жестокый Аман, задумал в одну ночь истребить порабощенный народ. Об этом узнала жена царя Эсфирь. Она пригласила к себе на пир царя и Амана и во время пира раскрыла перед Асуром страшный замысел его визиря.

Рембрандт выбрал для своей картины момент, когда Эсфирь уже произнесла слова обвинения, и теперь царь должен решить судьбу угнетенного народа. Три человека сидят за круглым столом: в центре, лицом к нам, — Ассур, справа, рядом с ним, Эсфирь, слева, несколько в отдалении, Аман. Эсфирь неподвижно застыла в позе напряженного ожидания. Аман,

подавленный тяжестью обвинения, молчит. Ассур колеблется: Аман был его другом, и теперь, разорочившись чувствами — привязанности, и гнев — борется в царя. Глаза царя печальны, но он отшатнулся от Амана, и его рука крепко сжимает золотой жезл. Какова будет воля Ассуря? В какую сторону повернется сейчас царский жезл (по древнему обычаю царь выносил решение, обращая свой жезл в сторону правого)?

Казалось бы, ответить на эти вопросы крайне трудно: ведь живопись не дает нам возможности следить за развитием событий во времени. Но тактика сила рембрандтовского гения, что мы можем увидеть в его произведении не только то, что происходит в данный замечательный момент, но и то, что было раньше и что произойдет в дальнейшем.

Смысловый центр картины — рука Ассуря, держащая жезл и вместе с

ним дальнейшую судьбу героев быблейской истории. Именно на эту точку — на руку царя — устремлены взгляды Зэффири и Амана. Пристально и напряженно смотрит Зэффир. Великая сила добра и самопожертвования сосредоточена в этом взгляде, и как бы под его гипнотическим влиянием медленно приподнялся, обратился в сторону героини, мезла Ассура. С поворотом мезла поднялся над столом еще платно снятые в волнении руки Зэффири, распрямляясь во ствол, уходит внутреннее напряжение, а в левой части картины в предвкушении страшной судьбы склоняется на грудь голова Амана, инстинкт, сменяется его фигурой, и рука, держащая кубок, темнее спускается на золотую парчу стола. Глаза Амана прикрыты: он только что, как и Зэффир, пристально смотрел на руку царя, но теперь его взгляд полуглух: в напряженной борьбе добра и зла, воплощенной Рембрандтом, в поединке двух взглядов силы

добра побеждают, и Аман выходит из игры. Все элементы художественной формы — композиция, ритм, цвет и свет — помогают раскрыть содержание картины. Под волшебством кисти Рембрандта они обретают глубокий психологический смысл, а через контрастные переживания людей, через борьбу их страстей показывают художник нечто большее: свое понимание сущности человеческого бытия, сущности взаимоотношения судьбы, истории и свободной воли человека. И только поняв слепой инстинктивный взыв этого произведения, мы сможем проникнуть в его глубочайшее содержание. Внимательно всмотримся в картину. Три фигуры композиционно объединены овалом стола, за которым они сидят. Строго в центре возвышается над остальными массивная и тяжелая фигура царя. Круглый поднос стоит перед ним на крутом сто-

ле. Его круглистые формы, повторяясь в линиях жестов и одежд Ассуры и Зэффири — в изгибах пышного воротника и головного убора Ассуры, омерзении Зэффири, в мягком наклоне его головы, — объединяют фигуру царя и царщицы в единое целое, отделяя от них Амана. Они составляют как бы одно существо, и не случайно Рембрандт помещает руки Зэффири на то место, где должна находиться левая рука Ассуры, так что их можно принять за руки одного человека. Золотой мезл прочерчивает прямую линию между ними, и кажется, что могучие силы жизни устремляются через мезл и круглящийся край подноса от руки царя, и руками царщицы, перетекая на левой части картины вправо. Они выпрямили фигуру Зэффири, заставляют сидеть ее оравки и, понизив Амана, сгибают его фигуру и погружают ее в полумрак. И еще одна очень важная деталь. Попробуйте мысленно разделить кар-

тину по вертикали на две абсолютно равные части. Тогда делющая линия пройдет через середину лица Ассуры, четко очерченной борту его одежды, горящим золотым кушачом и ножку столика, на котором он стоит. Эта линия является осью композиции, по обе стороны которой находится ее правая и левая части. Таким образом, композиция картины строится Рембрандтом по принципу весов, где фигура Ассуры составляет их центральную ось, его мезла — стрелку, а фигуры Амана и Зэффири — чашки весов, находящиеся в неустойчивом равновесии с изменением положения мезла-стрелки поднимается правая чашка и опускается левая. Такой композиционный прием не просто и не трюк гениального мастера: весы — это двупольный символ правосудия, и не случайно еще в глубокой древности боги правосудия и судьбы Венеры изображались с весами. В эпоху Рембрандта эта ассоциация с чашками весов. Круглая «чашка» стола объединяет судьбу всех трех персонажей легенды, «чашка» подноса становится воплощением общности судьбы Ассуры и Зэффири, Аман сменяется в чашку своей собственной судьбы — кубок. Композиция у Рембрандта приобретает, таким образом, глубокий символический смысл; кажется, что на наших глазах, поворотом царского мезла медленно и неумолимо приходят в движение сами весы истории и правосудия.

Рембрандт снова и снова, используя все средства художественной выразительности, дает нам почувствовать дальнейшее развитие судеб героев: Зэффир восторжествовал, а Аман погибнет.

Большую роль в раскрытии содержания картины играет свет. Скрытый, как всегда у Рембрандта, источник света бросает яркий тонус на фигуру Зэффири. Он вырывает из полумрака прекрасный лицо царщицы, в котором загораются чарующие тени ее одежды, сверкает драгоценные камни браслетов, ожерелья и диадемы, золотые нити шитья. И кажется, что сама Зэффир, являясь источником света в картине, что сказочные заклинания в ней мужества, добра, воли и красотою излучают светом лучей, и отблески этого света падают на Ассуру, предопределяя его решение.

Аман освещен иным светом. Отлученный свет сверху падает на него бледный луч, и в нем вспыхивают и потухают, как угли, подернутые золотом, зловещие пугурные цвет его шитья.

Устыми мазками краски пишет Рембрандт фигуру Зэффири, так, что почти рельефно выделяется на ее одежде драгоценные камни украшения и золотые нити шитья, придавая ей особую объемность и материальность. Фигура Амана, напротив, написана тонкими красочными слоями. Его темный силуэт почти сливается с темным фоном; он как бы уходит вдаль, растворяется в ней, погружается в мрак небытия.

Рембрандт изображает лишь самые главные моменты, что помогает ему донести до зрителя основную мысль произведения. Мы не находим в картине изображения фантастического пышности царских чертогов, так характерного для описания восточных дворцов. Подробное описание деталей обстановки, а сам царственно прекрасный облик, сияние красных, пурпурных, золотых, зеленово-оливковых тонов вызывает представление о месте действия, дает ощущение торжественной значительности происходящего. Но цвет Рембрандта говорит нам и о богатстве: он расширяет духовное богатство людей; в его острей контрасты подчеркивают трагическую неприглядность разветвляющейся перспективы.

Можно очень много говорить и писать об этой картине, но все равно рано останавливаться на ее содержании до конца. Оно бесконечно и неисчерпаемо. Мы знаем о жизни. Мы взяли только один аспект этого содержания, который, однако, представляется нам самым важным и интересным: Рембрандт не изображает олимпийского величия, он показал, что низкие человека и общества не подчиняется судьбе, а всегда сам создает свою судьбу. Он боится судьбы, он боится судьбы, он боится добра и справедливости торжествуя над злом и предательством. В этом смысле картина — это картина рембрандтовского гуманизма.

Игорь ГОЛОМШТОК

ПОКАЗАНИЯ ФЕТЫ О РАССАДАХ

Вдалеком черноморском деревне Прибрежье пришлось писывать в Швейцарию. Оно было адресом жителю деревни Эдге Спанусу.

Но Эдге Спанус, столетний больной, неграмотный старик, так и не получил от писма. Его прочел учитель Якиво Спанус, сын старого Эдге. Из писма он узнал, что это отца разыскивает человек, там же считающий себя его сыном, и что тот, друг, живущий в Швейцарии, темноволосый. Председатель Прибрежного суда Сант Циоррианди пришел и Эдге и попросил его рассказать обо всем.

Так из уст черноморского крестьянина мир впервые услышал об одном из самых бесчеловечных преступлений. Вот запись рассказов Эдге.

«...Промоужу я из известного черноморского рода Васосевичей. Отца моего звали Сант Циоррианди, и у него было двое сыновей и дочь. Выли мы не бедные, но и не богатые, и, когда я подросток, пришлось мне ходить в Румелию на заработки.

Однажды на фабрике встретил я земляка, и он рассказал мне, что фирма «Ватинс» на фабрике работает на строительную железную дорогу. Подознанию наполовину и день давал, а деньги и вода бесплатно. Сам я читать не умел, но заявку поперил и на другой же день пошел наниматься.

Последние мои и других парней, 300 человек, и в вагонах и повозках на Черному морю до Софиа. В Софии посадили нас на большой корабль, и он довел нас до Мисира. Потом мы пересели еще на один, и судни нас из нем два дня и две ночи.

На вторые сутки причалили к берегу. Там стояли толпы негры, негритянцы, — и все ожидали, нам что-то и громали кулаками. Но полиция нас в обиду не дала, и сами мы поплыли на пароходе.

Построили нас, и мы пошли пешком. Через два часа подошли к железной дороге. Погрузились в вагоны. А потом снова нас причалил еще один вагон. В нем ехали негритянцы. Наутро нас выгрузили в повозки, поехали в лес, и там, в долине, выгрузили тоже, только отдельной колонной.

Довели нас до больших воров, а за ними два, несколько мальчишек, в белых рубашках и в синих

весь почти стеклянный. Так мы с дороги и звали «стеклянный народ». Стали мы с порога отдыхать. День, два, три пролежали у дороги. Никто не подходил. Только вранчи нас осматривали. Дали новую одежду и поехали в стеклянный дом. Ну и роскошно там, и дежуры, и закуски. Мы первые в стеклянном такой комнате. Каждый из нас дали свою комнату с кроватью, умыливающимися водой, с туалетом, с душем, с чудесами. А негритянцы сидели все в одной комнате, в гоголь.

Мы даже удивлялись: несколько людей плачут и не перестают. Приглядываясь, мы заметили, что плачущие, отпусти пальцы поставили, отступать поодну. Поознали и побуд. Сели мы за столик, и дежуры принесли за нами бутылку вина, привинки, к себе приглашаем, а они на нас как трупы смотрят — и ни с места. Ну, только бормочут, они нам не говорят. Ну, а больше черные, а все так жалко было. И когда нам сказали, чтобы мы выбрали мы, кому какая привинка, то, конечно, не противились. Да и транной какой-то нас каждая день посыл. Странно, а на работу нас тоже водили. 2—3 часа в день отработем, присмотря внимательно сколько часовых. Странно, а на работу «дома» «жена» идет. Моя девушка так и сердцу приросла, что и впаздку жидется на ней ходить.

Поезд в канцелярию. Там говорят. А тут, как только она забеременит и доктор подтвердит, мы от тебя забери и дамь другому, еще одному.

Я узнал, что ничего от них не добьемся, и примирился с судьбой. Только с тех пор эта работа мне опротивилась. Странно, а дежуры и друг друга слоняли. Ну, нам объяснили, что наши дети должны говорить по-французски и по-немецки, тогда мы не очени-то им верили. Просили хоть детей наших и в наших бытовых условиях, чтобы они увиделись. Но за нами строго следили и за нами, и намере, тоже. Мыла мы, и в ванне, и в туалете, и в кухне мы обязаны были принимать ванну, и мы не могли не ходить в туалет, и мы не могли не ходить в туалет. Мы не могли не ходить в туалет. Мы не могли не ходить в туалет. Мы не могли не ходить в туалет.

Потом, через 3 года, нас снова отравили в Румелию. Вернулся я и в свою деревню, в Софиа. Дочка и сын у меня, Якиво. Мой надеждой он был. Где твое видико, чтобы у бывшего батрака моего был бы человек. А писатель, Якиво, и Фрета написали. Я ей свой адрес и мне сказала.

Вот и все, что смог рассказать о создании «Черноморских рассад» по созданию в Африке чернокожих рабов. Неизвестно, в каких размерах они распространены, сколько было создано таких «черных рассад», сколько негритянских деревень разорено.

Расположение этого зверского преступления против человечности только начинается. Но облик «Черноморских рассад» проясняется при взгляде на первый, немалый эксперимент, ясен и сейчас.

(По материалам югославской газеты «Политика».)

М. СМОРОДСКАЯ

«ЧЕЛОВЕК В ШВЕЙЦАРИИ»

«Когда жевающий банкир пришел в окно,—говорила вильгельм Вальтер,— вы можете не колеблясь следовать за ним: навреки по дороге вы увидите что-нибудь зарплатное».

Швейцарские финансисты любят «сделать деньги». В этой маленькой стране с населением около пяти миллионов человек 518 банков, «Во Франции, Англии, Соединенных Штатах банк — это банк. В Швейцарии — это храм, со своими традициями, церемониями и даже мифами» — уверяют швейцарские банкиры. Поистине, что единственная богатейшая, которую пожелают в этом «храме», является золотой телец. Ему я жертву приносится покаяния о чести, гуманности, справедливости, порядочности.

Чтобы обеспечить приток в страну капиталов, швейцарские банкиры издавна разработали систему, оживляющую злободневную тайну размеры вкладов и личност вкладчиков. Для этого ежегодно так называемый «черный день» в банке Женевы на имя бывшего протестантского диктатора Перна, сынковой палата доминиканского народа Рафаэля Трухильо, жем испанского каудильо Кармен Франко.

ИЗ ИСТОРИИ ПИРАТОВ

Се истории о пиратах одинаковы: романтическая легенда о пиратах или разбойниках, ставших героями кинематографа, деньги, заминаясь под «верное дело», долги похитили, многие кубаметры вымощены змеи и неизменно разочарование.

Давно известно, что прибыльность иладо-старых пиратских промыслов была возможность «обогатиться за счет истории» влет и поимкам иладов все новых и новых любителей. В начале 70-х годов, особенно широко распространились эндиения иладостратения в Соединенных Штатах Америки. В последние годы, вероятно из любого буминиста можно мулить наставление по иладостратению и атлас иладов всевозможного шака. Есть в этом атласе и карта южного побережья полуострова Нова Скотия, на которой ирисеи отпущены миллионы долларов, добыта удача пока лишь три звена золотой цепи и обрывок старого пергамента.

Откровено это имеет форму вопросительного знака, что дает немалый повод для шуток, так как тайна, хранимая на острове, остается неразгаданной уже 170 лет. Самое удивительное в истории тайны острова Ван заключаются в том, что илад там действительно есть. Это истинно, но не в смысле овервергута. Но хотя в поиски иклада было вложено уже более полутора миллионов долларов, добыта удача пока лишь три звена золотой цепи и обрывок старого пергамента.

170 лет назад Даниил Маннинес, шестидесятилетний париниш из города Честер (Нова Скотия), отправился поохотиться на несбитый остров. По пути в море открыл что-то странное и привлекла странная круглая выемка диаметром в 4 метра. Неподвижно лежал на дне, и в нем были выемки, напоминающие тагелюболы многоугольного старого судна. Сердце Даниила забилось от радости. Вслед за паринишем на остров выехали еще четыре приблещенных пиратов Нова Англии, они нашлись немало исторических захороненных сопроважков.

На следующий день он вернулся на остров с двумя приятелями — Томи Возгонн и Диненом Штаттманном. Они обнаружили на острове следы иладостратения обнаруживая насти на старых дубовых бревна. Еще через три метра другой

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ДЕСЯТОЕ

ХИТРОУМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Умерший фермер оставил после себя вдову и четверых сыновей. Согласно воле покойного, четверть всего его земельного надела, образующего в плане квадрат, отходила вдове. Остальному земелью должны разделить между собой сыновья с тем, однако, условием, что их участки будут одинаковы по размеру и форме. Как наследникам удалось выполнить волю покойного?

ТОЛЬКО ПРАВДА ИЛИ ВСЕ НАОБОРОТ

Все жители некоего города принадлежали к двум враждующим обществам. Члены общества «Только правда» никогда не произносили ни слова лжи. Путешественник, забредший в этот удивительный город, спросил первого встречного, к какому обществу он принадлежит. Тот пробормотал что-то невероятное и уда-

лился. Путешественник спросил двух других жителей города, что сказал ушедший. Один из них ответил: «Он сказал, что является членом общества «Только правда». Другой: «Он сказал, что является членом общества «Все наоборот». На эти ответы путешественник сразу догадался, с кем имеет дело. Попробуйте догадаться и вы.

ГОЛОВОЛОМКА

Попробуйте сложить из этих пяти кусков прямоугольник, квадрат и треугольник.

«ЛОЖКИ» И «ТОЧКИ»

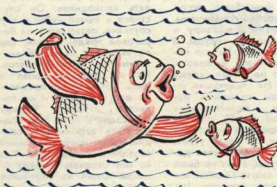
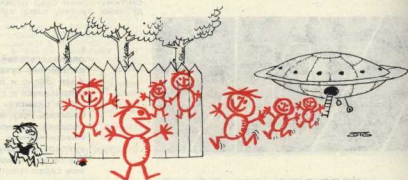
Старинная русская кладка, как известно, кладется в два ряда, которые называют «точка» и «ложка». Два «точка» и два «ложка» выкрошились. Как забавлять стену, пользуясь одним кирпичом, если его можно класть наружу только отглаженной лицевой стороной? Габариты кирпича: длина — 25 см, ширина — 12 см.

— Я ОЧЕНЬ
ВОЛНУЮСЬ.
РАЗРЕШИТЕ
ЗАКРЫТЬ!

НЕОЖИДАННОЕ
СХОДСТВО.

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

— ВОТ ТАКОГО
ЧЕРВИКА
Я СНЯЛ
ОДНАЖДЫ
С КРЮЧКА!

Рисунки
Ю. МАКАРЕНКО

— В ПЕРВЫЙ РАЗ ОН С ОХОТОМ
ИГРАЕТ НА СКРИПКЕ.

800 МЕТРОВ С БАРЬЕРАМИ

Рисунки О. КАНДАУРОВА

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

Первая страница обложки. Скоро студентка Ирина Харитонюна станет «эпизонадарнейшей мод». А пока она учится кроить, шить, фантазировать и изобретает новые фасоны. О будущих модельерах и художниках-технологах рассказывается на 17-й странице.

Фото В. ТЮКЕЛА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международная жизнь — Д 3-31-50; шитье, фантазировать и изобретать новые фасоны — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. М. Самохин.

Редакция: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошнин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казаков, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Куликов, Е. И. Рабчинко, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 02318. Подписано к печати 1/VI 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 1112.
Знака 1341. Формат бумаги 70 x 108/16.
2 бум. л. — 3,48 печ. л.

Ордене Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Старинная французская задача про трех разбойников очень напоминает не менее древнюю русскую задачу про вола, козу и капусту. Соответственно похожи и решения.

Сначала в корзину был положен и спущен вниз сундук. Затем в другую корзину забрался Синя. Сундук поднялся, Синя опустился. Место сундука занял Горацио. Он спустился вниз. Синя поднялся. Вместо Сини вниз был спущен сундук. На него взобрался Горацио, а в другую корзину наверх задел Никодем. Так Никодем оказался внизу, и дело пошло быстрее.

Синя был спущен сундук, за ним опустился Синя. Сундук, естественно, поднялся и снова был спущен, чтобы при новом подъеме сплутать прогибомом Горацио. Так все они оказались внизу. Когда перед ними оказалась река, то перьям в лодку сел Синя со своим мешком. Он перевез его на другой берег и возвратился за мешком Горацио, который его не выходя из лодки, вымывает на берег и снова возвращается. Теперь уже на весах сидит Горацио. Он перевозит Синю и забират обратно свой мешок, затем переправляет по очереди Никодема и его мешок и в последний рейс перевозит свою добычу.

БЕЛАЯ НОЧЬ

ДОВОЛЬНО МЕДЛЕННО

Слова Евгения ДОЛМАТОВСКОГО

Музыка Марка ФРАДКИНА

Вот и опять не спит мой Ленинград,
Как он красив и как молод.
Звезды от наших глаз
Спрятались в Летний сад.
Белая ночь вошла в город.

Как я люблю, когда свет без теней,
Жмурых теней вокруг нету.
Можно и нам теперь
Не зажигать огней;
Хватит для всех людей света!

На площади асфальт или цветы.
Вот почему наши шаги так осторожны.
А на Неве в это время
Разводят мосты,
Но нас с тобой
Разлучить невозможно.

Не говори, о чем думать ты...
В белую ночь это узнать
Очень несложно.
А на Неве в это время
Разводят мосты,
Но нас с тобой
Разлучить невозможно.

КРОССВОРД НАУКА И ТЕХНИКА

Составил А. ГОЛОВНИН
(г. Харьков)

По вертикали:

1. Химический элемент, применяемый в автоматических и телемеханических устройствах.
2. Теплообменный аппарат.
3. Приемная телевизионная трубка.
4. Металл, применяемый в ядерной энергетике.
5. Советский антрополог.
6. Наиболее близкая и Солнцу точка орбиты планеты.
7. «Частица», или квант, света.
8. Ученые о нравственности.
9. Оптический генератор.
10. Электронизированный прибор.
11. Геометрическая фигура.
12. Мельчайшая частица вещества.
13. Твердое вещество, имеющее форму многогранника.
14. Крупный ветер.
15. Единица индуктивности.
16. Единица магнитного потока.
17. Крутая морская водоросль, употребляемая в пищу.
18. Лавовый генератор, применяемый в радиоприемнике.
19. Процесс обработки поверхности черных металлов для предохранения от ржавчины.
20. Ученый, открывший периодический закон химических элементов.
21. Итальянский порт, родина Колумба.
22. Радиоактивный минерал.
23. Углеводород, употребляемый для получения синтетических материалов.
24. Советский физик, академик, лауреат Ленинской премии.
25. Сторона прямоугольного треугольника.
26. Академик, основоположник русской школы химиков в XIX веке.

По горизонтали:

1. Советский антрополог.
2. Наиболее близкая и Солнцу точка орбиты планеты.
3. «Частица», или квант, света.
4. Ученые о нравственности.
5. Оптический генератор.
6. Электронизированный прибор.
7. Геометрическая фигура.
8. Мельчайшая частица вещества.
9. Твердое вещество, имеющее форму многогранника.
10. Крупный ветер.
11. Единица индуктивности.
12. Единица магнитного потока.
13. Крутая морская водоросль, употребляемая в пищу.
14. Лавовый генератор, применяемый в радиоприемнике.

	5	1	2	3	4	
		6				
7	8			9	10	
11		12		13	14	
	15			16		
	17			18	19	20
21		22		23	24	
		25		26		
		27				

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

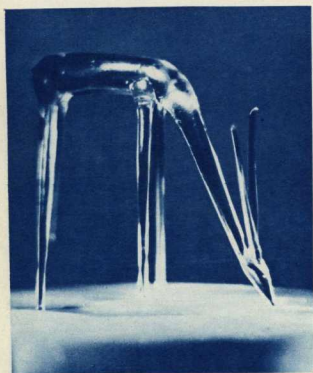
1. Ибнурри.
2. Торндайк.
3. Мопассан.
4. Затекин.
5. Биселов.
6. Горниана.
7. Полюетин.
8. Альварук.
9. Школина.
10. «Батрица».
11. Запанин.
12. Черысов.
13. Генетика.
14. Таргалья.
15. Марксизм.
16. «Маскарад».
17. Мантиса.
18. «Шахтерка».
19. Дассалов.
20. Прегрета.
21. Оратория.
22. Метелица.
23. Велгород.
24. Паганини.
25. «Валле-валя».
26. Мельбури.
27. Кераника.
28. Саврасов.
29. Пальмира.
30. Обращаю.

Скульптор по стеклу Виталий ГИНЗБУРГ.

ОБЫКНОВЕННОЕ СТЕКЛО

Проходи по цехам фабрики львовской фирмы «Радуга», вы увидите хрусталь, стекло, декоративные вазы. И здесь же, среди привычных изделий стеклодувов, вы встретите продукцию, на которую нельзя не обратить особенное внимание. Это стеклянная скульптура. Сначала вы увидите заготовки — разноцветные стеклянные палочки, оникто и превращаются в руках художника в произведения искусства. Нужно иметь твердую руку и верный глаз: стеклянная скульптура создается в несколько мгновений. Под сильным пламенем газовой горелки стекло превращается в текучее вещество. Затем вытнутая струя подрезается ножницами — единственным и незаменимым инструментом стекольщика скульптора, — а через несколько секунд образуется как бы набросок будущего произведения. Еще несколько минут — и произведение можно считать законченным. Конечный результат работы скульптора вы видите на этих фотографиях. Совсем недавно скульптурный цех, а в наших магазинах можно увидеть произведения искусства из обыкновенного стекла с маркой фирмы «Радуга».

А. ЕЛЬЧУК
Фото автора.

